

Амри Р. Шихсаидов
Дагестанские святыни. Книга вторая
Серия «Духовный мир дагестанцев»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8673200

Дагестанские святыни: Кн. 2 / Сост. и отв. ред. А. Р. Шихсаидов.: Эпоха; Махачкала; 2008
ISBN 978-5-98390-051-6

Аннотация

Второй выпуск сборника «Дагестанские святыни» посвящен выдающимся памятникам истории, материальной культуры народов Дагестана, жизни и научному наследию известных представителей духовной элиты, науки, просвещения, поэтического творчества, культуре рукописной и печатной книги. История городов и грандиозных оборонительных комплексов, подобных Даг-бары – Великой Кавказской стене, дополняется рассказами о ряде дагестанских селений – административных, торгово-ремесленных и интеллектуальных центрах, известных далеко за пределами региона.

Содержание

предисловие	4
Древние города Дагестана. Оборонительные сооружения	6
Даг-бары – Великая Кавказская стена	6
Литература	23
Аулы-столицы. Административные, торгово-ремесленные центры	24
Акуша – административный, историко-культурный, экономический центр	24
Литература	44
Кудали: исторический очерк	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дагестанские святыни. Книга 2

Составитель А. Р. Шихсаидов

предисловие

Предлагаем читателям вторую книгу серии «Дагестанские святыни». Первая книга, опубликованная в 2007 году, была высоко оценена научной общественностью, многочисленные читатели отозвались о ней добрым словом. Издательский дом «Эпоха», представивший свою продукцию в номинации «Книги по гуманитарным наукам», получил Диплом XVII Международного конкурса «Лучшие книги России». Книга стала также лауреатом Конкурса на лучшую научную книгу 2007 года в номинации «Гуманитарные науки», организованного Фондом развития отечественного образования.

Издательский дом «Эпоха» планирует продолжение серии «Дагестанские святыни», посвященной выдающимся деятелям науки, образования, культуры, судьбоносным событиям многовековой истории дагестанского народа, первоклассным памятникам истории, городам и селениям, выдвинувшимся как административные, экономические, образовательные, интеллектуальные центры и определившим культурно-исторический облик дагестанского общества, непревзойденным памятникам письменной культуры.

Одним словом, наша научно-популярная серия рассказывает на своих страницах о памятниках, личностях, событиях, ставших священными для дагестанского общества.

В создании предлагаемой читателю второй книги «Дагестанские святыни» приняли участие ученые Дагестана, историки-востоковеды, археологи, литературоведы. Книга открывается обстоятельной статьей профессора М.С. Гаджиева о Даг-бары, всемирно известной Великой Кавказской стене – свидетельнице многих важнейших военно-исторических событий.

Раздел «Административные, торгово-экономические центры» представлен статьями профессора Б.Г. Алиева «Акуша – административный, историко-культурный, экономический центр» и научных сотрудников З.А. Магомедовой и С.Х. Газимагомедовой об историческом прошлом старинного селения Кудали.

В рубрике «Страна алимов, страна поэтов» представлена концептуальная статья академика Г.Г. Гамзатова о творческом величии Гамзата Цадасы. Здесь же – очерк профессора А.Р. Шихсаидова «Саид Араканский» о творческом и литературном наследии выдающегося деятеля просвещения и ученого, о его сложном жизненном пути. Об известных суфиях и мухаджирах второй половины XIX в. Мухаммад-хаджи и Шарапуддине из Кикунни рассказывает научный сотрудник З.Б. Ибрагимова.

Наиболее значительным по объему и весьма значимым оказался раздел «Памятники письменной культуры». Научный сотрудник Н.А. Тагирова дает очерк о жизни руководителя народно-освободительного движения на Северо-Восточном Кавказе имама Шамиля в Калуге «глазами его историографа Абдурахмана Газикумухского» на основе историко-этнографического трактата, написанного им на арабском языке в 1865 г. Рукопись-автограф Абдурахмана хранится в Институте рукописей Академии наук РАН в Санкт-Петербурге. О творчестве дагестанских катибов – переписчиков, создателей дагестанской арабоязычной литографической книги рассказывает кандидат исторических наук М.Н. Османова. Искусство художественного оформления дагестанской литографированной книги стало предметом исследования старшего научного сотрудника А.А. Исаева, автора большого числа книг и статей об арабографической литературе на дагестанских языках.

Дагестанская арабоязычная периодическая печать впервые стала объектом внимания в трудах кандидата исторических наук А.Р. Наврузова, основанных на основательном изучении знаменитой газеты «Джаридат Дагистан», важного историко-культурного памятника. Уже более 25 лет дагестанская историография не знает научных работ, посвященных богатейшему эпиграфическому наследию народов Дагестана. На этом фоне особую значимость приобретает обзор средневековых эпиграфических текстов из Чихтиля, сделанный заведующим кафедрой арабской филологии факультета востоковедения ДГУ, доцентом З.Ш. Закариевым.

А.Р. Шихсаидов

Древние города Дагестана. Оборонительные сооружения

Даг-бары – Великая Кавказская стена

М.С. Гаджиев

В середине VI в. н. э. в центре Евразии произошли важные политические события – на арену истории вышло новое мощное кочевническое государственное образование – Тюркский каганат, который с первых лет своего существования начал вести активную внешнюю политику, стремясь взять под свой контроль основные торговые пути между Востоком и Западом и, прежде всего, Великий Шелковый путь, приносивший огромные доходы. Это неминуемо столкнуло экономические и внешнеполитические интересы Тюркского каганата и другой великой державы раннего средневековья – Сасанидского Ирана. Первоначальные союзнические отношения Ирана и каганата, скрепленные в 554 г. браком шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) с тюркской принцессой, вскоре (к 567 г.) переросли в откровенно враждебные. Официальным поводом к военным действиям послужило унижающее требование кагана Истеми-хана (хакан Синджибу арабских источников, Силзибул, Дизабул византийских авторов) выплаты дани. Основной же причиной войны были борьба за монополию в торговле шелком между Востоком и Западом, за контроль караванных путей и рынки сбыта.

Но еще накануне этих событий Иран испытал очередные, говоря словами албанского историка Мовсеса Каланкатваца (VII в.), «разбойничьи набеги врагов» – кочевников. Наиболее крупным из них явилось вторжение 551 г., когда «хазирь пленили страну Алуанк (Албанию. – М.Г.)», повлекшее перенос в 552 г. престола патриарха Албанской церкви из Дербента (Чора) в Партав. Это вторжение нашло отражение и в известии арабского историка ат-Табари (839–923) о нашествии в это время на кавказские владения Сасанидов «народов абхаз, банджар, баланджар и алан».

Ответной мерой Хосрова Ануширвана стали организация в 560 г. крупной военной кампании в Прикаспийский Дагестан, а затем в 562 г., после заключения в конце 561 г. мирного договора с Византией, нового успешного похода «в сторону хазар», т. е. в северо-западный Прикаспий, в результате которого Хосров, как выразился ат-Табари, «отомстил за обиды по отношению к его подданным». Усмирение кочевников Северо-Западного Прикаспия дало возможность приступить к укреплению существовавших оборонительных сооружений и созданию новых защитных рубежей. После этих успешных военных кампаний Хосров Ануширван, как информирует ат-Табари, «завоевал Бурджан, затем вернулся и построил ал-Баба-л-абваб», т. е. Дербент.

Между 567–570 гг. каган Истеми (Синджибу) подчинил себе кочевников Северо-Западного Прикаспия и приморского Дагестана – племена абхаз, банджар и баланджар, которые «изъявили покорность». Вслед за этим он предъявил Хосрову ультиматум с требованием выплаты денежных средств; в противном случае каган угрожал вторгнуться в пределы Ирана. Хосров Ануширван «не придавал значения его угрозам и отверг то, что он требовал, надеясь на свои укрепления в области Ворота Сул», т. е. в районе Дербентского прохода. В ответ на это в 570 г. каган Синджибу, не будучи осведомлен о создании оборонительных укреплений в Дербентском проходе, со 110-тысячным войском предпринимает организацию крупного похода, но известие о неприступных сооружениях вынуждает его остановить нача-

тую кампанию. И в следующем 571 г. Тюркский каганат уже был вынужден заключить мир на весьма выгодных для Ирана условиях.

Как показал комплексный анализ сведений письменных источников, среднеперсидской надписи № 3, высеченной на северной городской стене Дербента и содержащей дату строительства («год 37» правления Хосрова) и определение произведенных трудов затрат, сооружение укреплений Дербента на первом этапе работ (строительство северной городской стены и цитадели) было осуществлено в течение одного года – в 568–569 гг. К этому времени Иран обладал огромными финансовыми средствами, полученными от Византии в качестве контрибуции и по условиям договоров: по ирано-византийскому договору 531 г. Константинополь выплатил Ирану 110 кентинариев золота (3,6 т) на охрану и содержание кавказских проходов; в 540 г. Хосров получил с четырех византийских городов (Иераполь, Апамея, Халкида, Эдесса) выкуп в размере более 5 тонн серебра и 4 кентинариев (130 кг) золота; в 544 г. Эдесса вновь уплатила выкуп в 5 кентинариев (около 162 кг) золота; в 545 г. император Юстиниан за 5-летнее перемирие заплатил Хосрову 20 кентинариев (650 кг); согласно мирному договору 561 г. Византия уплатила Ирану в 562 г. 210 тыс. солидов (955,5 кг золотых монет), а в 568 г. еще 90 тыс. солидов (409,5 кг). Таким образом, Хосров Ануширван добился небывалого в истории взаимоотношений Ирана и Византии – с начала его правления и до 568 г. Константинополь выдал Ктесифону около 6 тонн золотой монетой. Эти огромные финансовые средства позволили Ирану решить важнейшие военно-стратегические и политические задачи по обеспечению своей безопасности и приступить к созданию колоссальной фортификационной системы на Восточном Кавказе – в Дербентском проходе и прилегающей к нему горной зоне.

Каменный оборонительный комплекс Дербента, сменивший сырцовые укрепления города, возведенные в 440-х гг. в правление шаханшаха Йездигерда II (439–457), стал вершиной фортификационного зодчества Сасанидского Ирана и венцом в системе кордонных, так называемых «длинных стен», опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе между оседло-земледельческим и кочевническо-скотоводческим мирами.

Дербентская оборонительная система включила в себя два основных элемента. Первый – это собственно город, получивший название *Дербент* (точнее *Дарбанд* – от перс. *дар* ‘ворота’ и *банд* ‘узел, плотина, преграда’). Это имя впервые засвидетельствовано армянским ученым VII века Ананием Ширакаци в его «Географии» («Ашхарацуйц»): «...до него (Каспийского моря. – М.Г.) доходит хребет Кавказа, на котором построена стена Дарбанда, что значит «связка» и «ворота», город стражи Чора, огромная башня, сооруженная в море». Город архитектурно оформляли цитадель (носящая ныне название Нарын-кала), расположенная на вершине отрога Джалганского хребта и занимающая площадь 3,5 га, и две (южная и северная) городские стены, отходившие от цитадели и полностью перегородившие узкую (около 3,5 км) полосу приморской равнины и уходившие в море на расстояние около 150 м. Между городскими, почти параллельными, стенами, обнимавшими площадь свыше 140 га, и располагался собственно город (*шахристан*), обживаемая территория которого составляла в сасанидский период около 30 га.

Вторым основным элементом Дербентского оборонительного комплекса являлась Дагбары – «Горная стена», которая брала начало у юго-западной угловой башни цитадели города и представляла собой систему оборонительных стен, башен, фортов, крепостей, протянувшуюся в горы на расстояние 42 км до неприступного хребта Кара-сырт («Черный хребет») и предотвращавшую возможность перехода на юг, в Закавказье, минуя Дербентский проход.

Расположение укреплений и фортвов Даг-бары. Фото из космоса (по: Google Imagery, 2007).

Термин *Даг-бары* (Горная стена – тюрк, *даг* 'гора', перс, *бара* 'стена'), который бытует и поныне, впервые упомянут А.А. Бес-тужевным-Марлинским в 1832 г. в его эссе «Кавказская стена». Немного позже (в 1842 г.) это название фиксируется И.Н. Березиным, который замечает, что так ее именуют дербентцы. Насколько древним является название *Даг-бары*, сказать трудно.

Наиболее раннее наименование этой оборонительной линии приведено у Ширакаци (VII в.) – «стена Дарбанда». Это же название – «стена Дарбанда» упоминает Хамза Исфакхани (X в.). Персидское и, очевидно, более раннее название приводит Мухаммад ибн Исфандийар (нач. XIII в.) – *Гав-бара* «Бычья стена». Как заметил А.К. Аликберов, это древнее, видимо, восходящее ко времени сооружения Горной стены наименование связано с обозначением вполне определенных гор и корректнее переводить его как «Кавказская стена». Для обозначения Кавказских гор античными и раннесредневековыми авторами употреблялся и термин Тавр ('бык' – греч. *ταυρος*, лат. *taurus*; араб. *thawr*). Например, по Прокопию Кесарийскому (VI в.), хребет Тавр проходит и «по землям албанцев и иберов, а также других обитающих здесь племен, либо независимых, либо подвластных персам»; в горах Тавра он помещает и Каспийские ворота, через которые «гунны нападают на земли Персидские или Ромейские». В свете этих данных предложенная версия объяснения персидского наименования *Гав-бара* выглядит достаточно убедительной.

Ал-Масуди (ум. в 956 г.) называет эту оборонительную линию просто «Стена» (араб. *sadd*). В «Трактате о Бабидах» (XVI в.), восходящем к более ранним источникам, и у Зайн ал-Абиди-на Ширвани (XVIII в.) Дербентский оборонительный комплекс вместе с Горной стеной именуется «Великой стеной» – соответственно *ас-сadd ан-'азам* и *бару-йи 'азим*, чем подчеркивается грандиозность и выдающееся значение этого памятника.

В различных более поздних источниках фигурируют и иные названия Горной стены – «Стена Александра» (Искандера) (например, у Адама Олеария) или «Кавказская стена» (например, у Дм. Кантемира). А А.-К. Бакиханов в своем «Гюлистан-и Ирам» (1841 г.) отмечал, что Дербентская стена «в народе и поныне называется Седди Искендер (Александрова преграда)».

В хронике «Дербенд-наме» Мухаммеда Аваби Акташи (XVII в.), автором протографа которого являлся, видимо, Йусуф ал-Лакзи (ум. до 1089 г.), зафиксировано еще одно древнее наименование Дербентского оборонительного комплекса. Хроника, рассказывая о градостроительной деятельности «амира войска» халифа ал-Мансура (754–775) Йазида ас-Сулами в 763–764 гг., сообщает о создании сети укрепленных населенных пунктов вдоль Дербентской оборонительной линии – тринадцати (названных поименно) городов и крепо-

стей, и «эти все города назывались Дарпуш». В источнике термином *Дарпуш* обозначены и один из городов, и вся линия укреплений в целом. По обоснованному мнению А.К. Аликберова, в персидском названии *Дарпуш* представлено две лексемы – *dar* ‘ворота’, ‘горный проход’ и *pūsh* ‘заслон’, ‘заграждение’, ‘укрытие’ (ср.: ср. – перс. *darpušt* крепость, твердыня, форт, *darpuštīh* укрепление, фортификация), а сам термин имеет значение «Заграждение ворот», что соответствует назначению сети крепостей и оборонительных заграждений, защищавших проходы на юг. Наименования *Дар-банд* и *Дарпуш* в значительной степени синонимичны.

По сообщению Захир ад-Дина Мар’аши (ум. в 1487 г.), автора «Истории Табаристана», укрепления Дербента возводил по поручению Хосрова I его наместник, правитель Дербента Нарсе б. Джамасп. Имена финансового распорядителя и некоторых других участников этого грандиозного строительства донесли до нас среднеперсидские надписи Дербента. Надпись № 29, выявленная нами в 1996 г., позволила правильно прочесть имя главы финансового ведомства области Адурбадаган (в которую входили все закавказские провинции Сасанидов) – *амаргара* Дариуша, контролировавшего и финансировавшего фортификационное строительство. В 2001 г. на форте *Кеджерли-кала* («Крепость, покрытая мхом») была обнаружена единственная зафиксированная на руинах Горной стены среднеперсидская надпись середины VI в. – в ней упоминается строитель или архитектор по имени Рашн. Кроме этих двух лиц, надписи Дербента сообщают нам имена еще трех участников этого колоссального строительства – Адургушнасп, Мошиг и Нарсакан, которые, вероятно, являлись ведущими архитекторами.

Имена же тысяч рядовых участников этой «стройки века» нам неизвестны, но на стенах Дербентского оборонительного комплекса имеются «автографы» многих из них в виде вырезанных знаков – различных знаков-*нешанов*, тамг. На укреплениях Дербента и Горной стены зафиксировано свыше 500 знаков строителей.

Важнейшим источником сведений о Дербенте и Горной стене являются сочинения арабских и персидских авторов ранне-исламской поры – IX–X вв., а также последующего времени. Но, прежде чем говорить о них, следует упомянуть древнейший арабоязычный письменный памятник, раскрывающий некоторые страницы истории Дербентского оборонительного комплекса. Это обнаруженная нами при исследовании Горной стены в 2001 г. в сел. Митаги большая плита (154x73x10 см) с великолепно вырезанной рельефной куфической надписью 176 г. хиджры (792–793 гг.). Текст ее гласит:

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Скажи: «Он – Аллах – един, Аллах – вечный, не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один». Мухаммад посланник Аллаха, который послал его с ведением по правильному пути и верой истины, чтобы открыть ему всю веру, хотя это и ненавистно многобожникам. Да благословит Аллах Мухаммада и приветствует.

Это построил Кисра и приказал [затем обновить это] раб божий Харун, повелитель правоверных, – да возвеличит его Аллах – в назначение ал-Амин Мухаммада, сына повелителя правоверных, наследником престола мусульманда возвеличит Аллах его [род] и его семью.

Построил..... – да возвеличит его Аллах. [Написано] рукой Мухаммада сына Абдалаха в сто семьдесят шестом году.

Древнейшая официальная арабская надпись, рассказывающая о ремонтных работах на Даг-бары, 176 г.х.1792 г.

Это одна из древнейших в мире официальных мусульманских надписей. В надписи упоминаются «Кисра», т. е. шаханшах Хосров I Ануширван (531–579), «Харун, амир правоверных», т. е. знаменитый халиф Харун ар-Рашид (786–809), и «ал-Амин Мухаммад, наследник престола», т. е. старший сын халифа Мухаммад ал-Амин. Судя по большому формату плиты, надпись украшала монументальное сооружение, а указание в тексте ее на то, что «это построил Кисра», позволяет считать, что она была установлена в кладку Горной стены или одного из фортов этой оборонительной линии. Вместе с тем это древнейший письменный источник арабского происхождения, в котором документировано строительство Дербентского оборонительного комплекса в правление Хосрова I Ануширвана.

Большинство арабских и персидских авторов IX–X вв. (ал-Балазури, Ибн ал-Факих, ал-Масуди, ал-Истахри, Ибн Хордад-бех, Кудама, Ибн Рустэ, ал-Мукаддаси, Хамза Исфакхани) строительство каменной Дербентской фортификационной системы также связывают с именем шаханшаха Хосрова. Например, ал-Балазури (820–892) в своей «Книге завоевания стран» приводит правдивый рассказ о том, как «царь царей» Хосров Ануширван, желая возвести непреодолимые укрепления в Дербенте для защиты своих владений от набегов кочевников, предложил хакану тюрков «мир, дружбу и согласие» и в знак этого «просил отдать ему в жены дочь» – тюркскую принцессу и «послал ему одну из своих рабынь, выдав ее за собственную дочь». Обрадованный возможным в будущем претензиям на трон Ирана, хакан, заключив в Баршалии мир с Хосровом, отправил принцессу к шаху. Хосров же, воспользовавшись мирной передышкой и дабы воины соперничавших держав не враждовали, с согласия хакана возвел «стену из скалы и свинца от моря до вершины гор и повесил у входа железные ворота». Подобные сведения приводят и другие арабо-персидские авторы. Речь идет о браке Хосрова Ануширвана с дочерью Истеми-хана – правителя могущественного Тюркского каганата, который был заключен в 554 г. и закрепил союзные отношения двух великих держав.

Некоторые арабские авторы IX–X вв. (Ибн ал-Факих, ат-Та-бари) и другие источники сооружение этой оборонительной линии связывают и с именем отца Хосрова – Кавада I (488–531) и даже его деда – Пероза (457–484). Но в свете установленного факта, что Дербентский каменный оборонительный комплекс возводился в правление Хосрова Ануширвана в сер. VI в., следует считать, что в их сообщениях отразились, с одной стороны, представление о невозможности проведения столь колоссальных строительных работ в правление одного государя и, с другой – факт ремонтно-строительных работ по укреплению ранее существовавшей сырцово-фортификации Дербента и при Перозе, и при Каваде, что, очевидно, действительно имело место.

Следует обратить внимание и на то, что и Ибн ал-Факих, и ат-Табари, и «Дербенд-наме» в своих повествованиях рассказывают о строительной деятельности Хосрова Ануширвана в Дербенте, связывая с ним создание каменного оборонительного комплекса. Так, Ибн ал-Факих сообщает, что Хосров построил не только город Баб ал-абваб (Дербент), но и «стену между собой и хазарами шириной в 300 локтей из камня и свинца так, что довел ее до вершины горы, а потом продолжил конец ее в море и сделал в стене железные ворота».

Далее Ибн ал-Факих приводит со ссылкой на Ахмада Йакуби (ум. в 897 г. или 905 г.) весьма важные данные о Горной стене: «Баб ал-абваб – стена, которую построил Ануширван, ... один конец ее вдается в море, а противоположный морю конец стены выведен до такого места, где ничего не поделаешь против нее, и тянется она на 7 фарсахов (около 42 км. – М.Г.) до лесистой и обрывистой горы, через которую не пройдешь. Построена она из четырехугольного тесаного камня; один из этих камней не поднимут 50 человек; эти камни поставлены [один на другой] и пришиты друг к другу железными болтами. На протяжении этих 7 фарсахов устроено семь проходов, у каждого из этих проходов город, и живут в них персидские воины, называемые *сийасикинами*. Говорят, что мужчины из жителей Армении обязаны охранять эту стену и ворота; над каждым проходом привешены ворота, и ширина стены на вершине ее такова, что по ней проедет 20 всадников [в ряд], не теснясь». Эти данные почти дословно в XIII в. привел Закарийа ал-Казвини, но с интересным уточнением, что каждые из семи «железных ворот» – укреплений Горной стены охраняют сто воинов.

Руины Горной стены у сел. Камах.

Также и «Дербенд-наме», рассказывая о деятельности Хосрова на Восточном Кавказе, сообщает, что «он построил город Сул (т. е. Дербент. – М.Г.) и воздвиг над ним длинную стену, длина которой 92 расстояния (араб, *масафа*; тюрк. *агач*. – М.Г.)». В некоторых арабских и тюркских списках поясняется: «близ Дербента», «в трех агачах от Дербента». Несомненно, что под этой «длинной стеной» понимается *Даг-бары*.

В отличие от них, Хамза Исфакхани (X в.) сообщает, что «стена Дарбанда», сооруженная Хосровом, тянется «от моря до гор на расстоянии двадцати фарсахов», т. е. около 120 км. Еще большую протяженность Горной стены приводит ал-Масуди – по его данным, стена «тянется вдоль горы Кабх, по ее вершинам, ущельям и долинам на расстояние 40 фарсахов (около 240 км. – М.Г.), прежде чем достигнет крепости, называемой Табарсаран». Далее ал-Масуди добавляет, что «через каждые три мили, или больше, или меньше, в зависимости от дороги, для которой служили ворота, Ануширван построил железные ворота (*баб ал-xadud*)». Три арабских мили составляли *фарсах* (около 6 км), и, таким образом, по данным ал-Масуди, как это можно полагать, вдоль Горной стены было сооружено около 40 укреплений.

Сведения, сходные с информацией Ибн ал-Факиха и Йакуби, приводит ал-Бакуви (втор. пол. XIV – нач. XV вв.), дающий название горы, до которой доходит стена – *Ашаб*.

Об использовании «свинца и камня» при сооружении укреплений Дербентского оборонительного комплекса рассказывают многие авторы IX–X вв. – ал-Истахри, Ибн-Хаукал, Ибн ал-Факих, ал-Мукаддаси. Особый интерес вызывает информация Хилала ас-Саби (X в.), который сообщает, что «в каждом каменном блоке имелись два отверстия, а в каждом отверстии – залитый свинцом железный стержень». Как отмечал акад. В.В. Бартольд (1869–1930), «это явно был тот же метод строительства, с которым, по сообщению ат-Табари, прежний архитектор царя Хосрова Парвиза познакомил арабов в Куфе: привезенные из гор Ахваза (Хузистан) камни просверливались и заполнялись свинцом и железными стержнями. В самом деле, такие отверстия могут быть обнаружены в отвалившихся от стен Дербента блоках; от железа и свинца уже давно ничего не осталось». При обследовании руин одного из фортов в 2003 г. нами был зафиксирован подобный прием прочного соединения облицовочных камней кладки башни.

Интерес представляют сведения Ибн ал-Факиха о «персидских воинах, называемых *сийасикин*» и «мужчинах из жителей Армении», которые были поселены в укрепленных пунктах вдоль Даг-бары и были «обязаны охранять эту стену и ворота». Кудама также говорит о воинах Хосрова по имени *сийасиджун*, которым вменялась в обязанность охрана горных проходов и дорог вдоль Даг-бары. Ал-Балазури и позднее Ибн ал-Асир (1160–1234) поясняют, что эти воины были прозваны Хосровом *сийасиджин* (вар. *сиджун*, *сийабиджа*), что указывает на нарицательный характер этого термина, обозначающего военных колонистов-поселенцев. Система таких пограничных гарнизонов, как писал Дж. Крамерс, «очень напоминает нам военную организацию в Византийской империи в VII веке, а также во многом пограничные посты, называемые *рибат*, в Исламской империи халифов».

Ал-Истахри (ум. в 934 г.) в «Книге путей и стран», в отличие от Ибн ал-Факиха, пишет не о семи укреплениях, а о четырнадцати крепостях, в которых живут «приставленные для охраны этих дорог, по которым ходят хазары в земли исламские», люди из Мосула, Дийар-Рабийа (область в Джазире) и Сирии (Шам) – «они известны под именем этих же племен, и язык сохраняется из рода в род; над ними нет никакого начальника, и они наблюдают над воротами». По данным ал-Масуди, Хосров «с внутренней стороны у каждых ворот поселил отдельные племена, чтобы охранять ворота и примыкающую часть стены; все это для отражения опасности со стороны народов, живущих по соседству с этой горой, а именно от хазар, аланов, различных тюрок, сарирцев и других неверных».

Руины форта Шелкени-кала.

О представителях различных племен, поселенных вдоль Даг-бары, ал-Масуди сообщает и в другом пассаже своего сочинения, в котором ярко подчеркнута важнейшее военно-стратегическое значение Дербентского оборонительного комплекса: «Если бы Господь в своем всеведении, всемогуществе и милосердии не помог царям Ирана построить город ал-Баб и его стены на суше, в море и на горах, а также другие замки, а также поселить здесь людей различных народностей и назначить царей различных рангов, то цари хазар, аланов, сарирцев, тюрков и других народов, несомненно, дошли бы до областей Бардаа, ар-Ран, Байлакан, Азербайджан, Занджан, Абхар, Казвин, Хамдан, Дайнавар, Нихаванд и других мест ... вплоть до Ирака».

Ему вторит Йакут ал-Хамави (1179–1229), обращая внимание не только на разнородный состав военных колонистов и значение этой оборонительной линии, но и подчеркивая ее политическое и экономическое положение и присутствие в числе поселенцев представителей местных восточнокавказских, главным образом южнодагестанских, народов: «Хосрой (т. е. сасанидские цари. – М.Г.) придавали этой пограничной области большое значение ввиду ее важности и внимательно следили за всеми ее делами. Поэтому для [обороны] этого места были назначены стражи из переселенцев из разных стран и людей, пользующихся у них доверием. Этим людям разрешалось строить все, что они считали необходимым для охраны края от разных тюркских племен, неверных и других врагов, и для этого они не запрашивали центральные власти и не обременяли ее расходами. В числе стражей, поставленных там, есть народ, именуемый табарсаран, соседний с ним народ филан, многочисленный и храбрый народ лакзов, лайзаны, ширваны и другие. Каждому из этих народов, располагавших большим количеством всадников и пеших воинов, было поручено для защиты определенное место».

Хамза Исфакхани дополняет эти сведения, сообщая, что Хосров Ануширван назначенным «в каждую местность» предводителям (араб. *куввад*), т. е. главам военно-административного управления, предоставил войско и выделил «сук (земельный участок) в качестве *дий'а* (земельный надел), определил его *вак-фом* их потомкам. Их потомки стали с того времени охраной пределов страны». Здесь мы имеем важное свидетельство о такой категории земельной собственности, как *дий'а*, представляющей собой в данном случае земельные угодья, выделенные, очевидно, из государственного фонда и предоставленные в условное держание (в качестве военного лена) с правом наследования. Конечно, сами воины вряд ли обрабатывали эти угодья и, скорее всего, сдавали их арендаторам. Эти земельные наделы обеспечивали жизнеспособность и экономическую основу гарнизонов Горной стены, и очевидно, что доходы с них не облагались поземельным налогом (ср. – перс. *хараг*; араб. *харадж*), будучи предоставленными фактически в полное распоряжение воинов – владельцев этих участков.

Возможно, к этому времени относится и административно-территориальное разделение зоны Горной стены на определенные *тасуки* или *рустаки* – округа, включавшие деревни и их земельные угодья, которые обслуживали соответствующие воинские гарнизоны. Абу Хамид ал-Гарнати (1080–1169/70), который посетил Дагестан и Дербент во второй четверти XII в., в своем сочинении отметил деление Табасарана (через земли которого проходила Горная стена) на 24 рустака, «в каждом из которых находится *сарханг* подобно *амиру*». Можно, очевидно, полагать, что это военно-административное деление Табасарана восходит к сасанидской эпохе, и некоторые из фортов Горной стены, расположенных в Табасаране, являлись резиденциями *сархангов*.

Защита северных рубежей Иранской державы предполагала привлечение на свою сторону местных народов и владетелей политических образований Восточного Кавказа, включенных в состав государства Сасанидов, но обладавших значительной автономией. Важная

роль в организации единой системы обороны отводилась представителям местной высшей власти и аристократии. Ал-Масуди сообщает, что царям различных народов, чьи воинские контингенты были размещены в укреплениях Горной стены, Хосров «дал различные степени, отличив каждого царя (*малик*) особым именем и определив ему границы...». Далее он упоминает эти «особые имена» – титулы некоторых из этих владетелей, и все они снабжены приставкой *шах*.

Пожалование правителям небольших, но стратегически важных государственных образований Восточного Кавказа, представлявших собой буферные политические структуры на северной границе Иранской державы, титула *шах* находилось в соответствии с нормами позднесасанидской номенклатурно-иерархической практики и являлось признанием значительной самостоятельности правителей этих пограничных областей. Также и в сообщении Хамзы Исфгани (X в.) о пожаловании Хосровом Ануширваном правителям Восточного Кавказа халатов-*каба* с изображениями различных животных – популярных персонажей сасанидского искусства, представленных на тканях, шtukовых панно, скальных рельефах, серебряных блюдах, резных камнях, – нашли отражение социальный статус, административный ранг и высокое политическое положение их обладателей.

Очевидно, что все воинские контингенты Сасанидов, размещенные в укрепленных пунктах Дербентского оборонительного комплекса, были подчинены единому командованию, представленному верховным главой военно-административного управления – *марзбаном* или *шахрийаром* Дербента. При Хосрове I Ануширване, в период строительства Дербента, марзбаном, очевидно, являлся Нарсе сын Джамаспа. Известны имена еще двух наместников Дербента – это фигурирующие у ат-Табари *марзубан ал-Баба* (т. е. Дербента) Биндуван, являвшийся братом известного сасанидского полководца Рустама сына Фаррухзада (погибшего в битве с арабами при Кадисийе в 637 г.), и *шахрийар* Дербента, бывший представителем знатного иранского рода Шахр-Вараз и ведший переговоры с арабами в 642–643 гг.

Командование на местах осуществляли, очевидно, *сарханги* – этим иранским титулом, применяемым для обозначения «офицера», командира, командующего воинской группой, подразделением, обозначены в приведенном сообщении ал-Гарнати главы 24 рустаков Табасарана. Абу Али Мухаммад Балами (ум. в 974 г.), рассказывая в своей «Истории Табари» о деятельности арабского полководца Сураки ибн Амра на Восточном Кавказе, в «стране ал-Баб» и его переговорах с наместником Дербента в 642–643 гг., сообщает, что Сурака заключил мир не только с наместником города, но и с военачальниками всех опорных укреплений (*дербендов*) оборонительной линии, которых он обозначат термином *сарханг*. Как установил А.Р. Шихсаидов, у Балами под термином *дербенд* «следует понимать отдельные дороги, проходы, отдельные ущелья или даже группу населенных пунктов, связанных с этими ущельями или путями своим расположением». В случаях, имеющих отношение к «стране ал-Баб», под *дербендами*, во главе которых стояли *сарханги*, надлежит понимать и укрепленные пункты (форты) Горной стены, расположенные в стратегически важных местах и контролировавшие горные проходы и ущелья, перевальные пути в обход Дербента. Вместе с тем ясно, что в подчинении *сархангов* находились отдельные участки Дербентской оборонительной линии. Можно думать, что таких участков вдоль Даг-бары было 7 или 14 – соответственно количеству основных проходов (ворот и крепостей), насчитываемых арабскими авторами вдоль Горной стены.

Руины форта Юхари-кала.

О привилегированном положении приграничных областей и населения Восточного Кавказа при последних Сасанидах свидетельствуют переговоры наместника Дербента Шахрбараза с арабами и текст охранной грамоты, выданной арабским полководцем Суракой ибн Амром, приведенные в труде Табари. Первые отряды арабских воинов, предводительствуемые знаменитыми полководцами Салманом ибн Рабиа, Абдурахманом ибн Рабиа, Суракой ибн Амром, Абдаллахом Хабибом ибн Масламой, появляются в Дербенте – Баб ал-абвабе в 642–643 гг.

Ат-Табари и Ибн ал-Асир сообщают, что в этот год наместник-*шахрийар* Дербента Шахрбараз – представитель знатного и древнего иранского рода – «заключил в арабами мир, но *джи-зью* (подушная подать с иноверцев. – М.Г.) платить не хотел». Подчеркивая особое военно-стратегическое положение и значение города, он заявлял: «Я нахожусь между двух врагов. Одни из них хазары, другие русы... Кроме жителей этих местностей, нет других, кто (мог бы) воевать в ними. Вместо *джизьи* мы будем воевать», «наша *джизья* вам – это помощь вам и выполнение [всего] того, что вы пожелаете; не унижайте нас посредством *джизьи*, [иначе] вы обессилите нас на пользу врагам вашим». С разрешения халифа Омара Сурака ибн Амр пожаловал Шах-рбаразу, жителям города «и тем, кто вокруг них» грамоту, по которой «он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (вали) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от [всех] повинностей (*джиза*), кроме призыва в войско (*хаиш*), а призыв в войско – это замена их повинностей».

В охранной грамоте предусматривались не только безопасность жизни горожан, сохранность их имущества, но и религиозной общины (араб. *милла*), то есть свобода вероисповедания. В данном случае речь, очевидно, идет о зороастрийцах и христианах Дербента, которые, как и иудеи, относились к иноверцам – араб. *зимми*, что означало нахождение под защитой мусульман.

Как видно из текста охранной грамоты, арабами на самом высоком государственном уровне фактически было подтверждено особое положение Дербента и в целом Дербентской оборонительной системы, которое этот важнейший пограничный комплекс занимал при Сасанидах. Необходимо отметить, что ат-Табари для обозначения Дербента использует только название *ал-Баб*, под которым понимался не только город, но и страна (*билад ал-Баб*), а Балами прибегает как к арабской форме *Баб ал-абваб*, так и к персидской – *Дербенд*,

Дербенд Хазаран. По Балами, мирный договор Сурака установил и с *сархангом* каждого *дербенда*, т. е. с главами определенных участков оборонительной системы: «все *дербенды* заключили мир с условием защитить мусульман от всякого *дербенда* и всякого врага, кто против них, чтобы мусульмане не держали там войска и чтобы впредь никакое войско не проникло в мусульманские земли; каждого из этих *сархангов* Сурака отправил в отдельный *дербенд* или город (*шахр*), который был в горах Дербенда». Балами, дополняя ат-Табари, сообщает, что «[с тех пор] стало правилом не брать ни *джи-зыи*, ни *хараджа* [с жителей] всех *дербендов* с тем, чтобы они удерживали неверных (*кафиров*) от мусульман, вели с ними своими силами войну».

Письменные источники содержат важные данные об укреплении арабами Дербентского оборонительного комплекса, включая Горную стену, начиная со времени правления халифа Хишама (724–743) в наместничество на Кавказе его брата Масламы, сына халифа Абд ал-Малика (685–705). Работы проводились и в нач. 750-х гг. при наместнике Абу Джафаре, брате халифа Абу-л-Аббаса ас-Саффаха (750–754), который затем сам стал халифом – основателем династии Аббасидов. В его правление (754–775), точнее – в 760-х гг., были проведены огромные работы вдоль Горной стены – сюда было переселено 7 тыс. человек из Шама, Джезиры, Мосула, 30 тыс. человек из других областей халифата, которые были размещены «во вновь построенных городах и крепостях», а также еще 30 тыс. воинов из Хорасана и 12 тыс. из Шама. Йазид ас-Сулами, «амир войска» и арабский наместник, с целью укрепления северных рубежей халифата от «злодеяний и вреда *кафиров*» по повелению халифа построил вдоль Горной стены «города» и крепости Дуара, Сегна (Сигна), крепость в долине *бану* Хашим, Сувар, Митаги, Камах, Семнан (Шелкени-кала), Дарвак, Йерси, Медине (Майдан?), Химейди (ал-Хумайдийа), Малый Ухейл и Большой Ухейл (Арджил?), Дарпуш, Йезидийе, Сермекийе, Мукатир и Махрака. Многие из упомянутых пунктов идентифицируются с ныне существующими селениями, расположенными вдоль Горной стены и бывшими важными опорными пунктами арабов. Арабы, утвердившиеся в Южном Дагестане, активно использовали в своем противостоянии с хазарами созданную здесь при шаханшахе Хосрове мощную оборонительную систему. Проведенные на ряде фортов Горной стены раскопки показали их функционирование на протяжении VI–XII веков. Об этом свидетельствуют и немалочисленные арабские надписи почерками *куфи* и *наسخ*, выявленные на укреплениях Даг-бары.

Ремонтные работы на Горной стене были проведены и при халифе Харун ар-Рашиде, как об этом свидетельствует обнаруженная нами древнейшая официальная арабская надпись 176 г. хиджры (792 г.).

Следует отметить, что среди жителей опорных пунктов (таких как Джалган, Митаги, Рукель, Кемах, Зидьян, Бильгади, Гимейди, расположенных вдоль Даг-бары) еще в недавнем прошлом были представлены таты-мусульмане, язык которых относится к юго-западной группе иранских языков и предки которых, как единодушно считают исследователи, были поселены на территории Восточного Кавказа и в зоне Дербента в качестве военных колонистов в результате переселенческой политики Сасанидов, особенно в период правления Хосрова Ануширвана и строительства Дербентского оборонительного комплекса.

В арабский период укрепления Даг-бары и особенно конкретные форты и опорные центры, расположенные вдоль этой оборонительной линии (Митаги, Кемах, Зидьян, Бильгади, Шалкани, Гимейди, Дарваг, Ерси и др.), с размещенными в них гарнизонами приобретают и новое качество – они выступают не просто военно-стратегическими пунктами, противостоящими угрозе «неверных», но оплотами и распространителями ислама в зоне пограничья (араб. *сагр*) или, как их называют источники (Йакут, Исфакани, «Тарих ал-Баб» и др.), «исламские центры» (араб. *ал-маракиз ал-исламийа*).

Превращаясь в «исламские центры», конкретные укрепленные поселения и форты Горной стены становились военно-религиозными аванпостами с размещенными в них гарнизонами «воинов ислама», *гази*ев – «борцов за веру», которые, как известно, занимали высокое место в социальной структуре Дербента и играли важнейшую роль в политической жизни города. То есть эти укрепления Даг-бары становились *рибатами*, под которыми в VII–XII вв. понимались укрепления (форты, крепости) в районах военного противостояния мусульман и иноверцев (Малая и Средняя Азия, Северная Африка, Кавказ), в которых обитали вооруженные борцы за веру (*мурабитун*), как правило, добровольцы, участвовавшие в военных действиях с немусульманами и соблюдавшие строгие правила благочестия. По словам Дж. С. Тримингема, «*рибаты* в пограничных районах играли роль очагов ислама в немусульманском окружении. Это были наблюдательные станции и пограничные заставы – члены их гарнизонов нередко становились активными пропагандистами ислама». К XI в., как установил А.К. Аликберов, происходит трансформация пограничных *рибатов*, расположенных вдоль Дербентской оборонительной системы, в *рибаты* суфийские, чему в значительной степени способствовал именно *газийский* состав гарнизонов этих укреплений, представлявший собой своего рода религиозное воинство, которое приносило себя в жертву за веру в войне против «неверующих». Как отмечала А. Шиммель, «термин *рибат*, по происхождению связанный с приграничными поселениями солдат, защищавших ислам и распространявших его, мог также употребляться в значении центра (суфийского. – М.Г.) братства».

Усилия по укреплению Баб ал-абваба, «исламских центров» и всей оборонительной линии Даг-бары после арабов продолжили независимые правители «Баб ал-абваба и пограничных областей» – *амиры* местной династии Хашимидов (869-1077), а затем династии Аглабидов (1077–нач. XIII вв.). По данным «Тарих ал-Баб», в правление *амира* Хашима б. Сураки (869–884) «в делах пограничных областей и центров царствовал порядок». «Исламские набеги» (*газв*) *гази*ев Дербента, пограничья (*ас-сагр*) и «исламских центров» во главе с *амирами* против «неверных» соседних царств и владений (Хазария, Шандан, Сарир, Карах, Зирихгеран), как и отражения нападений *кафиров* (хазар, алан, хайдаков, шанданцев, сарирцев, гумиков, русов), о которых рассказывает «Тарих ал-Баб» и другие источники (ал-Масуди, Абу Хамид ал-Гарнати), обуславливали необходимость соответствующего, отвечающего сложной военно-политической ситуации, содержания в должном порядке Дербентской оборонительной системы.

Руины одной из башен Горной стены.

В сведениях восточных авторов обозначены основные противники, против которых был возведен и противостоял Дербентский оборонительный комплекс. Причем, если в позднесасанидский период (VI-сер.VII в.) они представлены, главным образом, объединениями кочевников – это тюрки, хазары, аланы, абхазы (савиры), банджары (булгары), баланджары, то в арабский и последующий периоды (сер.VII–XI вв.), помимо хазар и алан, к ним добавляются русы, начавшие совершать набеги на западное и южное побережья Каспия, и местные народы – хайдаки, шанданцы, сарирцы, гумики. Последнее находит объяснение в том, что если при Сасанидах дагестанские этно-политические образования и их правители находились в союзнических отношениях с Иранской державой, то в последующие века, с выходом на историческую арену Кавказа арабов и последовавшим военным насаждением ислама, местные владетели стали активно противостоять захватнической политике халифата и чуждой им религиозной системе.

Свое значение Дербентская оборонительная система, включая комплекс укреплений Горной стены, продолжала сохранять и в последующем – в период появления и господства в Закавказье турок-сельджуков. В это время «исламские центры», рибаты продолжали активно функционировать.

Названия многих фортов Горной стены сохранялись еще в конце XIX – нач. XX вв.: Пирмешки (Пир-Дамешки), Короглы-кала, Сулар, Исти-сулар, Шурсу, Бурдж, Кеджерли-кала, Зевери-кала, Дюздан-кала. Види-кала, Бильгади, Сар-кала, Телль, Хамадан-кала, Мехмет-Карим-кала, Шелкени-кала, Капулу-кала, Душма-кала, Такка-кала, Патаюн-кала, Новруз Али-кала, Хасан-бей-кала, Бабану-кала, Паланги-кала (Седжур-кала), Мугара-кала, Бегляр-кала, Дервиш-кала, Кобикала, Ишекли-кала, Махрагах-кала, Ахай-кала, Огрикала, Башим-дишим-кала, Чипсухан-кала, Орнург-кала, Абдулла-бег-кала, Рамазан-кала, Кадах-кала, Моти-кала, Мирза-кала, Ахме-кала, Новруз-кала, Эмизгя-кала, Харариль-кала, Зейдах-кала, Тулар-кала, Хим-ларик-кала и Чухна-кала (Чухун-кала). Некоторые из этих названий, закрепленных за конкретными фортами Горной стены, дожили до наших дней.

Начиная с XIV в. письменные источники, представленные уже европейскими и русскими авторами (Иоанн де Галонифон-тибус, Дженкинсон, Бэрроу, Ф. Котов, Олеарий), посещавшими Дербент, фиксируют наличие и состояние Горной стены, которая, как видно из их кратких описаний, пришла в упадок. Обращает внимание, что начало фиксации этими иностранными авторами положения укреплений Горной стены относительно совпадает с последними известиями о ее функционировании как единого комплекса. Можно считать, что XIII–XV вв. были периодом постепенного упадка этой оборонительной системы и прекращения функционирования многих ее фортов. Хотя в некоторых фортах, расположенных близ Дербента, некоторые авторы XVII в. (Олеарий, Стрейс) отмечают наличие сефевидских гарнизонов.

Отмечаемое авторами XVI–XVIII вв. разрушение Горной стены было результатом прекращения активного функционирования этой оборонительной линии как цельной фортификационной системы из-за потери ею своего основного военно-стратегического назначения и, как следствие, утраты контроля за ее состоянием. Это приводило к постепенной ломке укреплений местным населением с целью получения строительного камня. Начавшийся около 500 лет процесс уничтожения этого уникального памятника людьми и природой, к сожалению, продолжается и ныне.

Отдельные сведения о Горной стене содержатся в сочинениях различных путешественников, писателей, исследователей, натуралистов XVII–XIX вв. (О. Даппер, Т. Висен, Э. Кемпфер, Дж. Хэнвей, И. Стефангаген, Э. Ейхвальд, Дж. Бесе, Ф. Боден-штедт, И. Шопен,

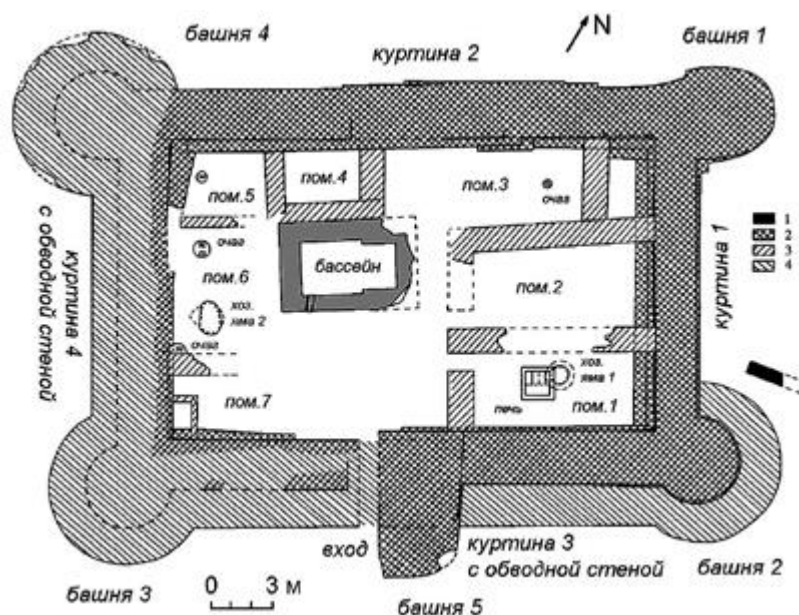
А. Пецхольд, Г. Абих, Ж. Байе, А. Дюма и др.), в трудах известных историков и этнографов XVIII–XIX вв. (Ж. Сен-Мартен, К. Кох, Б. Дорн, Ж. Морган, И. Березин и др.).

Важный вклад в исследование Горной стены в XIX–XX вв. внесли А.А. Бестужев-Марлинский, Дж. Эберкромби, П.И. Спасский, Е.А. Пахомов и особенно С.О. Хан-Магомедов, обследовавший ее в 1950-х гг. Тем не менее этот памятник, несмотря на свою грандиозность, на внимание к нему многих средневековых авторов, исследователей нового и новейшего времени, на серию публикаций о нем, до последнего времени оставался все еще малоисследованным. Не были известны, освещены или оставались спорными многие вопросы, связанные с историей этого уникального монументального памятника раннесредневекового оборонного зодчества, функционировавшего на протяжении нескольких сот лет. Достаточно сказать, что не были определены точная протяженность этой оборонительной линии, количество укреплений, фортов, башен, важнейшие стратегические участки ее, не были решены другие важные историко-архитектурные вопросы. Между тем историческое значение и военно-стратегическая роль этой колоссальной оборонительной системы, сооруженной на границе двух миров – оседло-земледельческого и кочевническо-скотоводческого, были весьма велики.

На эти вопросы призваны были ответить исследования, проведенные Дербентской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты №№ 98-01-18015, 99-01-18080, 00-01-18084е, 01-01-18023е, 02-01-18043е, 03-01-18030е, 04-01-18067е).

Первым объектом программы изучения этой грандиозной фортификационной линии стал форт 1, расположенный в 150 м на юго-запад от цитадели Нарын-кала. Раскопками 1998–2001 гг. было полностью вскрыто это укрепление, представляющее собой небольшую прямоугольную крепость с внутренними размерами 14,5х23,5 м при толщине стен 2,0–2,6 м. По углам форт был укреплен четырьмя башнями диаметром 4 м, еще одна башня фланкировала узкий вход в крепость. В арабский период (VIII–IX вв.) на территории форта сооружаются 8 помещений для гарнизона, а позже, в X–XI вв., в центре форта – крупный водосборный бассейн объемом ок. 30 тонн, к которому подходил водовод из керамических труб.

Как было установлено раскопками, в XI в. на форте проводятся крупные ремонтные работы – с южной стороны к крепости пристраивается новая оборонительная стена, которая увеличила диаметр башен и толщину стен в два раза. Эти археологические факты как нельзя лучше свидетельствовали о сложившейся в это время военно-политической ситуации на Восточном Кавказе. С сер. VI в., когда был возведен этот форт, и до X в. укрепления Дербента были направлены на север, против угрозы кочевников и их союзников, против «неверных». С конца же X в., с разгромом Хазарского каганата, распадом Арабского халифата и образованием на его просторах самостоятельных государств, на Восточном Кавказе возникают Дербентский эмират с его «республиканско-монархической» формой правления и южнее – государство ширваншахов. Вскоре они начали между собой многолетнюю кровопролитную войну за пальму первенства на западном побережье Каспия, за контроль над международной торговлей по Прикаспийскому пути, за решение территориальных претензий. В это время укрепления Дербента становятся направленными в значительной мере на угрозу с юга. Хроника «Тарих ал-Баб», написанная в Дербенте в нач. XII в., сообщает о частых сражениях между войсками Дербента и Ширвана, о неоднократных ремонтных работах по укреплению фортификации Дербента в кон. X – 60-х гг. XI вв.

План форта 1 – «Кала Сул».

В связи с проводившимися археологическими исследованиями на форте 1 особый интерес вызывает сообщение хроники «Тарих ал-Баб» о том, что после смерти эмира Дербента Лашкари в 1001 г. ширваншах Йазид предложил жителям ал-Баба (Дербента) дать согласие на восстановление «крепости ал-Баба (т. е. цитадели Дербента. – М.Г.) с крепостью Сул». «Народ ал-Баба» поначалу отклонил это предложение. Но в 1019 г., после ряда политических событий, горожане призвали на правление Йазид, который «восстановил крепость и разместил там гарнизон из своих войск». Ремонтные работы на укреплении нашли отражение в материалах раскопок форта. И эти взаимодополняющие данные письменного источника и археологии дали веские аргументы для отождествления данного форта с *крепостью Сул (кала Сул)*, упомянутой в «Тарих ал-Баб» вместе с цитаделью Дербента, а также идентификации с Дербентом важного военно-политического и религиозного центра Кавказа III–VI вв., известного под названиями арм. *Чор//Чол*, груз. *Чора*, сир. *Торайе*, греч. *Тзур*, араб. *Сул*. Кстати, это древнее название Дербента отложилось и в ряде дагестанских языков, как на то неоднократно обращали внимание исследователи, начиная с известного лингвиста, барона П.К. Услара – дарг. *Чулли*, кубач., лак. *Чурул*, авар. *Чор*.

Форт функционировал около 700 лет и потерял свое стратегическое значение в начале XIII в., после нашествия монголов, когда Дербент значительно ослаб. Но в XVII в., по сообщению Адама Олеария, в нем еще размещался небольшой гарнизон сефевидского наместника Дербента из племен *аюрумлу* и *койдурша*, которые располагались и в цитадели Нарын-кала. Это укрепление возвышалось еще в начале XVIII в., и оно обозначено на планах Дербента этого времени. Затем форт был почти полностью разобран, так что в наши дни студенты и рабочие, принимавшие участие в раскопках этого памятника, удивлялись тому, как археологи узнали, что на этом месте под землей находились такие внушительные руины древней крепости – крепости, вновь обретшей свое древнее имя *Сул*.

В 2001–2004 гг. были проведены тщательные разведочные работы вдоль всей оборонительной линии от форта 1 до последнего форта *Чухун-кала* на вершине хребта Карасырт в горном Табасаране. В результате были составлены подробный план Горной стены, планы фортов и башен, выяснены их архитектурные особенности, этапы строительства, определено время активного функционирования отдельных укреплений и фортификационной системы в целом, выявлены важные археологические объекты и находки – знаки строи-

телей, зубцы-мерлоны и блоки машикулей VI в., водосборные ямы, обеспечивавшие гарнизоны водой, арабоязычные эпиграфические памятники VIII–XV вв., расположенные рядом с фортами надмогильные памятники и др. Вновь упомянем открытые уникальные памятники эпиграфики – среднеперсидскую надпись середины VI в. и древнейшую арабскую официальную надпись 792 г.

В ходе изысканий было установлено, что Даг-бары, имеющая протяженность 42 км, не представляла собой сплошную оборонительную стену, протянувшуюся от Дербента до горного Табасарана, на ряде участков она прерывается.

В одних случаях это было обусловлено отсутствием необходимости в строительстве такой сплошной линии, где рельеф местности становился естественным непреодолимым препятствием, в других – фортификационно-строительные работы, вероятно, не были завершены. Ныне в результате вековых разрушений на отдельных участках укрепления Горной стены полностью уничтожены, срыты, от них остались лишь траншеи, на других – стены возвышаются еще на высоту до 5–11 м. Вдоль Горной стены, шедшей по гребням водораздельных горных хребтов, были зафиксированы одна крепость (Бильгади), 4 полуфорта и 60 фортов, которые располагаются компактно, на расстоянии 150–500 м друг от друга, занимая, как правило, господствующие высоты. Обращает внимание, что почти со всех фортов открывается максимально возможный, на десятки километров, диапазон наблюдения, позволявший передавать информацию об опасности на протяжении всей оборонительной линии в считанные минуты.

Руины башни 13.

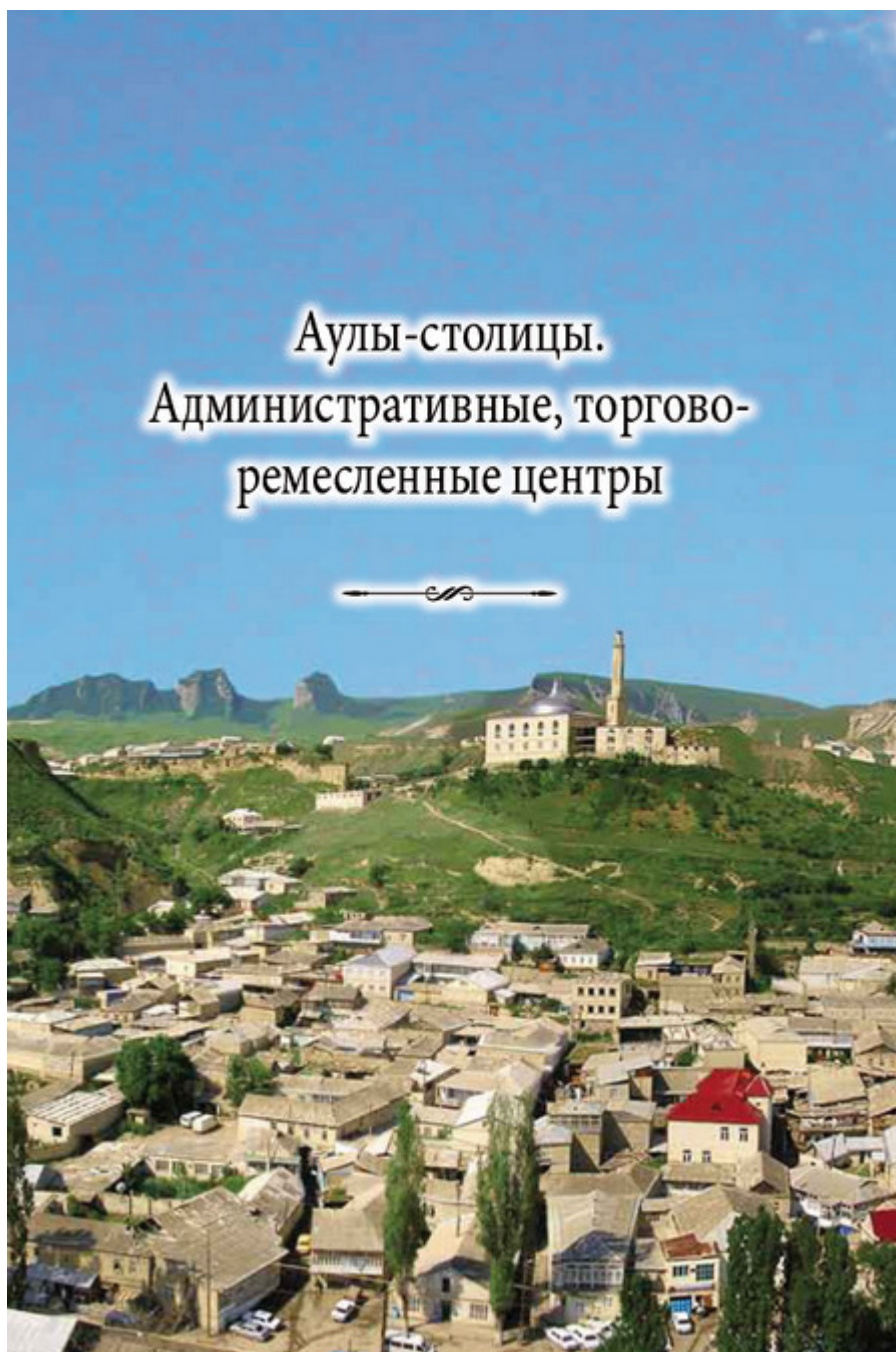
Форты Горной стены представляют собой прямоугольные в плане укрепления с четырьмя угловыми круглыми (диаметром 4,0–5,5 м) башнями; на ряде фортов имеется и пятая прямоугольная башня, фланкировавшая вход в укрепление. Внутренние размеры фортов – от 20х10 м до 28,5х16 м, при толщине стен 2,0–2,6 м. Самым крупным является форт *Шелкени-кала* – его внутренние размеры составляют 36,4х32,6 м. Наиболее важный стратегический пятикилометровый участок в долине между горой Джалган и сел. Митаги был защищен 12 фортами, 2 полуфортами и 28 башнями. Последние представлены глухими башнями (размерами около 5,3–5,9х7,3–8,2 м) и башнями (размерами около 5,3–5,6х7,4–8,8 м, толщина стен 1,8–2,0 м) с внутренней камерой, перекрытой ложным сводом, с центральным входом с безопасной стороны и боковыми проходами внутри нее, ведущими на верх прилегающих стен, соединявших башни и форты.

Проведенные археологические работы вместе с анализом сведений письменных источников позволяют осветить историю этой уникальной и грандиозной фортификационной системы, стоящей в одном ряду с такими шедеврами оборонного зодчества, как Великая Китайская стена, Стена Александра (перс. *сатт-и Искандар*, тюрк. *Кызыл илан*), Римский лимес на Рейне и Дунае, Стена Адриана в Британии, и по праву образно именуемой Великой Кавказской стеной.

Литература

1. *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). М., 2003.
2. *Бартольд В.В.* Дербент // *Бартольд В.В.* Соч. Т. III. М., 1965.
3. *Бестужев-Марлинский А.А.* Кавказская стена (Письмо из Дагестана) // Дагестан в русской литературе. Т. 1. Дореволюционный период. Сост., вступит. статья и комментарии У. Далгат и Б. Кирдана. Махачкала, 1960.
4. *Гаджиев М.С.* Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. № 1. 2006.
5. *Гаджиев М.С., Касумова С.Ю.* Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М., 2006.
6. *Гаджиев М.С., Шихсаидов А.Р.* 2005. Сведения *Дербенд-наме* о Харун ар-Рашиде и новооткрытая официальная арабская надпись 176 г. хиджры // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала.
7. *Пахомов Е.О.* До дослідження Дагестанської стіни // Східний світ. № 10–11. Киев, 1930.
8. *Пахомов Е.А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // Проблемы истории материальной культуры. № 9-10. Л., 1933.
9. *Хан-Магомедов С.О.* Раннесредневековая Горная стена в Дагестане // СА. № 1. 1966.
10. *Хан-Магомедов С.О.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.
11. *Хан-Магомедов С.О.* Дербентская крепость и Даг-бары. М., 2002.
12. *Шихсаидов А.Р.* Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. М., 1986.
13. *Abercromby J.* A Trip through the Eastern Caucasus, with a Chapter on the languages of the country. London, 1889.

Аулы-столицы. Административные, торгово-ремесленные центры

Акуша – административный, историко- культурный, экономический центр

Б.Г.Алиев

Селение Акуша (А'уша) – один из крупных населенных пунктов Дагестана сельского типа, центр Акушинского района. Расположена Акуша в горной части Среднего Дагестана

на берегу притока Казикумухского Койсу (Акушинки), носящего местное название Хола хІеркІ (Большая река), на расстоянии 149 км от столицы Республики Дагестан Махачкалы. Лежит Акуша в котловане и на невысоких горах, называемых ХІярбала бяхІ, Шуллайчила и т. д. Высота селения над уровнем моря около 2 тыс. м.

Акуша состоит из 6 частей (кварталов): Первая Дайша, Вторая Дайша, Хърша, Хърша, Панжа и Семга.

Существуют различные версии о происхождении Акуша. По одним преданиям, когда-то на месте, где расположена основная часть селения (в котловане), занимавшая всю долину Акушинки, находилась болотистая долина с зарослями камыша и травы. Везде вокруг долины и на окружающих ее склонах гор находился лес, состоявший из сосен и лип. Поэтому, согласно преданиям, жителей этих мест называли «вацІа хІялла», т. е. жители лесов. Занимались они в основном животноводством, а население предгорных сел – земледелием. Поэтому последние ходили в горы обменивать зерно на скот и продукты животноводства (мясо, сало, сыр, шерсть). Дорога, связывающая горы и плоскость, проходила по долине Акушинки, где ныне Хърша (Нижний квартал Акуша). Обычно путники, идущие для обмена продуктов земледелия в горы и обратно, останавливались здесь потому, что это было хорошее, богатое растительностью место. Этим объясняется и название местности, которая была известна как долина путников.

С.Акуша. На переднем плане справа – дом А.-Г. Акушинского. Справа наверху – мечеть и квартал Хъариши. Фото Х.А. Амирханова.

Однажды вечером, продолжает предание, здесь встретились два даргинца, один из которых шел в горные селения, а другой, обменяв зерно на продукты животноводства, возвращался обратно домой. Ночь они провели вместе в долине. Рано утром до путников с противоположной горы донеслось эхо петушиного крика. Так как нигде не видно было селения, путник, который шел в горы и был в этих местах впервые, удивился и спросил у другого путника: «Разве бывает петух там, где нет селения?» («Ши агарси мерличиб дагъа бирусив?»). Второй путник был здесь много раз. Поэтому, показав на гору, у подножия которой они ночевали, сказал: наверху горы находится селение («музала ахъуб ши кӀебси саби»). Отсюда, по преданию, и возникло название Ахъуша. «Ахъу» означает наверху, верхний, а «ша» – направляемая форма от слова «ши» – селение. Следовательно, название Ахъуша переводится как «Верхнее» или наверху расположенное селение. Это название говорит о первоначальном

расположении селения, которое находилось на крутом обрывистом холме, резко выступающем над долиной и имеющем платообразную поверхность. Это название говорит также о том, что селение еще не занимало склон горы, ибо в таком случае это название не могло возникнуть и, кроме того, оно тогда было бы видно из долины, где проходила дорога.

По другой версии, название Ахъуша возникло от слова «къуш» – шалаш, который якобы находился наверху горы. «Ахъкъуш» означает шалаш наверху. Существует и версия, согласно которой название Ахъуша связывается с именем человека по имени Ахъкъуш, который якобы основал это селение. Согласно преданию, это был бутринский хан (бек), изгнанный сельчанами за то, что он выгонял свой скот на сельском кладбище. Он бежал на место нынешнего селения Акуша и основал там селение. Здесь, таким образом, мы видим явное стремление подчеркнуть, во-первых, большую древность селения Бутри в сравнении с селением Акуша, во-вторых, независимость Бутри и отсутствие связи между названием Акуша и словом «ахъу» (в значении главный).

Акуша является одним из древних населенных пунктов Дагестана. Археологические памятники показывают, что окрестности Акуша были заселены людьми еще в древнейший период человечества, т. е. в каменный век. Недавними исследованиями под руководством члена-корреспондента РАН Х.А.Амирханова в окрестностях Акуша открыта серия памятников древнекаменного века – палеолита. Это, в частности, такие местонахождения, как Айникаб и Мухкай, возраст которых колеблется в пределах 1,2–1,5 млн. лет. Как отмечает Х.А.Амирханов, «полученные материалы служат надежным подтверждением концепции каспийского пути как одном из направлений первоначального заселения Евразии и, прежде всего, Юго-Востока Европы со стороны Западной Азии» (Амирханов Х.А. Исследование памятников на северо-восточном Кавказе, предварительные результаты. М., 2007. С.24). Эти материалы чрезвычайно важны для изучения и понимания процессов эволюции человека и развития его начальной трудовой деятельности. Кроме того, в урочище Дузани, расположенном в 3,5–4 км к югу от Акуша, на правом берегу Акушинки, обнаружены четыре кремневых мастерских по первичной обработке камня, которые относятся к новокаменному веку – неолиту.

Наиболее ранние письменные сведения об Акуша относятся к VI в. н. э., которые имеются в работах местных авторов, написанных на основе персидских, арабских, русских и др. источников и местных исторических хроник, не сохранившихся до наших дней. Так, автор дагестанской исторической хроники «Дербент-наме» Мухаммед Аваби Акташи, перечисляя народы, живущие в Дагестане в период правления в Иране Кубада-шаха и его сына Ануширвана, писал, что «здесь было племя **Туман**, расположенное от города Ихрана до Гумри и называемое теперь **Тау-Лезги** (горные лезгины), которых столица называется **Аку-ша**». А.-К.Бакиханов в работе «Гюлистан-Ирам» писал, что в период правления в Персии Ануширвана в Дагестане было «семь округов», одним из которых был «**Нагорный Кумух**», где ныне Казикумух и **магалы Акушинские** и некоторые Аварские.

На основании этих сведений можно предположить, что Акуша, как и другие окружающие ее селения даргинцев, в этот период истории находилась в составе политического образования, куда входили верхнедаргинцы, лакцы и часть аварцев.

Селение Акуша в этот период истории было расположено только на небольшой поляне наверху горы, где сейчас Верхний аул. Выбор такого места было вызвано необходимостью обороны от внешней опасности. С трех сторон селение было защищено естественной преградой, а с одной – западной стороны – можно было проникнуть в селение, только обогнув гору. Кроме того, селение со всех сторон было защищено оборонительной стеной с двумя воротами. Ввиду того, что площадка, где была построена Акуша, была небольшая, дома располагались очень близко друг от друга, селение было густонаселенным, так как рост его происходил только на территории, находящейся внутри оборонительной стены. Такое положение

ние селения сохранялось до XIV–XV вв., так как опасность внешнего нападения продолжала существовать. Это было большое родовое (тухумное) поселение, жители которого занимались земледелием и скотоводством. Пахотные поля и пастбища были расположены в основном к юго-западу и северо-западу от поселения.

Согласно преданию, исповедовали жители Акуша в тот период христианство григорианского толка. Сами акушинцы считали, что они по происхождению армяне. В таком состоянии находилась Акуша к периоду арабских завоеваний в Дагестане, начавшихся в середине VII в. Сведения об Акуша этого периода находятся в исторических хрониках.

Старая квартальная мечеть XVII в., построенная в 1093 г. х. (1682 г.). Фото Х.А.А-мирханова.

Мощеная улица в с. Акуша в районе старой мечети XVII в. Фото Х.А.Амирханова.

Укрепившись в Дербенте, арабы отправились во внутренний Дагестан – в земли табасаранцев, кайтагов, даргинцев и лакцев. В «Дербент-наме» говорится, что, покорив казикумухцев, арабы вступили в Каракайтаг. После покорения Табасарана и принятия его жителями ислама арабы направились «к народам Тау (гор) и в Аварию и подчинили их». Азербайджанский ученый А.-К.Бакиханов писал, что «главное селение Тав ныне есть деревня **Акуша**». Согласно хроникам после этого похода арабы подчинили своей власти Дагестан. В связи с этим появилась концепция об арабском происхождении первых правителей дагестанских владений, в том числе и акушинского кадия. Так, в «Дербент-наме», а затем в работе А.-К.Бакиханова говорится, что, назначив в Кумухе правителем Шах-Бана и кадия при нем, в Кайтаге Эмир-Гамзу, в Табасаране Мухаммад-Маасума и двух кадиев для исполнения шариата, Абу-Муслим «пошел в Тав (Таг) и Авар и обратил тамошних жителей насильно в ислам, построил для них мечети и назначил кадиев». Алкадари также писал, что

«в городе Акуша большая мечеть была построена» и что здесь, как и в других крупных центрах, как Казикумух, Цудахар, а также в Андалале и Сюрга, был назначен кадий.

Согласно преданиям, арабы действительно построили мечеть на территории Акуша. Но она была построена не в Хьарша, а в местности Шейхла Гинизла, расположенной в нескольких километрах от современного селения Акуша. Трехэтажная же мечеть была построена гораздо позже, так как, как указывают источники, ислам на территории расселения даргинцев в период арабских завоеваний еще не утвердился. Покорить акушинцев, как и другие народы Среднего Дагестана, арабам так и не удалось. Они не могли упрочить свое положение во внутреннем Дагестане, в связи с чем и совершались ими последующие походы. В 30-е годы VIII в. в Дагестан было совершено два похода арабов во главе с полководцем Мерваном. Первый поход в 735 г. был совершен со стороны Аланских ворот, правитель Дербента пошел с юга. В 739 г. был совершен новый поход по маршруту Серир-Туман-Зирих-геран-Хамзин. Однако и на этот раз закрепиться в горном Дагестане арабам не удалось, хотя все они были обложены налогом. Горцы совместно с хазарами постоянно совершали нападения на мусульманские центры – Ширван и Дербент. Активно боролись с арабами и акушинцы, входившие в этот период в состав государственного образования Шандан. Совместно с жителями Серира и других государственных образований Дагестана они не раз побеждали войска правителей Дербента и Ширвана.

Несмотря на все попытки арабов распространить среди жителей Шандана ислам, им это не удалось. Арабские источники прямо указывают, что «среди племен неверных в пограничной области (сагр) ал-Баба злейшим (врагом) мусульман был народ Шандана». Следовательно, акушинцы в IX–XI вв. еще не были мусульманами.

В социально-экономическом развитии акушинцы в этот период находились на стадии возникновения классовых отношений. Среди них уже, как говорят источники, выделились «знатные люди». Это была общинно-родовая знать, сосредоточившая в своих руках различное богатство. Жители Акуша занимались не только земледелием и скотоводством, высокого развития достигло здесь и ремесленное производство. Инвентарь средневекового могильника, обнаруженного в селении Акуша, который относится к IX–XI вв., дает возможность судить и о торгово-экономических связях акушинцев с другими народами Дагестана и Кавказа. Здесь обнаружены стеклянные браслеты, напоминающие браслеты наиболее поздних погребений Агачкалинского могильника, датируемого VIII–X вв. А обнаруженные здесь же серебряные витые браслеты из проволоки, аналогичны браслету, найденному на старом кладбище у селения Ахты. Ряд предметов, обнаруженных в акушинской катакомбе, напоминает по своему происхождению памятники алано-хазарской культуры VI–X вв. Так, подобные найденным в Акуша бусинам-печаткам из халцедона с изображением на одной стороне быка, опускающегося на передние ноги, а на другой – скорпиона, известны из погребений Комунты и Кумбулты (Сев. Осетия). По предположению ученых, печати с изображением скорпиона и быка, вероятнее всего, сасанидского происхождения.

Идентичность археологических материалов из селений Акуша, Агачкала и Южного Дагестана с осетинскими археологи объясняют взаимодействием аланских и дагестанских племен.

Сведения арабского автора первой половины XIII в. Якута о том, что к Дербенту наряду с другими народами Дагестана и Кавказа «стекаются» и «шензаны», т. е. жители Шандана, свидетельствуют о наличии торгово-экономических связей акушинцев с основным торгово-ремесленным центром Дагестана и Кавказа в целом.

В середине XI в. Шандан распался под ударами мусульманского Дербента и его союзников. С этого времени и вплоть до XV в. по Акуша нет никаких письменных сведений. Согласно преданиям, после распада Шандана верхнедаргинцы попали в зависимость от хунзахского нуцала, которому стали платить дань зерном и скотом. Это обстоятельство послу-

жило главной причиной объединения их и образования военно-политического союза во главе с бутринским правителем (талхьяном), куда вошла и Аку-ша, выступившая одним из инициаторов объединения. В предании говорится, что в один из неурожайных годов верхнедаргинцы попросили нуцала освободить их от уплаты дани на этот год. Но нуцал отказался удовлетворить их просьбу и снова послал к ним сборщиков дани. Тогда по инициативе акушинца по имени Айса на равнине Хъярбуки диркъя или ЦахІнабяхъла диркъя (поляна сбора, собраний) собрались представители даргинских обществ для обсуждения создавшегося положения.

Айса (очевидно, он был старшиной – «шила халал» Акуша) обратился к собравшимся со словами, что мы платим дань нуцалу потому, что разъединены и враждуем между собой. Нам надо объединиться. Было решено прекратить вражду, объединить все силы и перестать платить дань нуцалу. Когда явились сборщики дани, даргинцы увели их коней на кладбище и, привязав к надгробным памятникам, сказали: «Вот здесь ваши должники, попробуйте с них взять дань для своего нуцала, мы же свободные уздени, платить никому не обязаны и поэтому ничего не дадим и вашему нуцалу». Сборщики дани вернулись к нуцалу, последний собрал войско и пошел на даргинцев. Недалеко от селения Цудахар, у местности Сията, произошла вооруженная схватка, где нуцал потерпел поражение и ушел к себе. С тех пор даргинцы освободились от дани, решили постоянно быть вместе и отстаивать свою независимость. Так было положено начало одному из сильных политических образований Дагестана, во главе которого впоследствии стало селение Акуша под названием Акуша-Дарго. Но до этого еще некоторое время во главе верхнедаргинцев стояло селение Бутри, а потом главенство перешло к селению Усиша, и только после похода Тимура в 1396 г. в Усиша (Ушкудже – по источникам того времени), когда она была разорена и разрушена завоевателями, главенство в союзе верхнедаргинских обществ переходит к Акуша. С тех пор Аку-ша все больше и больше укреплялась и, возвышаясь как политический, экономический, религиозный и культурный центр, становится одновременно таковым и в масштабах Дагестана, играя важную роль во всех событиях, которые происходили не только на его территории, но и за его пределами.

Но полную политическую самостоятельность верхнедаргинцы получили только с середины XVII в. До этого еще было далеко. Освободившись от нуцала, они попали в зависимость от казикумукского шамхала. В начале XIV в. Казикумукское шамхальство являлось наиболее сильным феодальным владением Дагестана. Шамхалы стремились к расширению своей территории. Такая политика встречала сопротивление со стороны других владений. Как сообщал Мухаммед-Рафи, «в 1318 г. казикумукские шамхалы были низвергнуты соединенными силами хайдаков, аварцев и тюрок». Однако вскоре шамхалы не только оправались и восстановили свою власть, но даже захватили часть земель кумыков, даргинцев и аварцев. С этими событиями, надо полагать, связан и захват шамхалом территории верхнедаргинцев, в том числе и Акуша. Первое такое известие о зависимости Акуша от шамхала дает Мухаммед-Рафи. Перечисляя подати, которые ежегодно платили шамхалу за пастбища в горах, он писал и об Акуша, жители которой вместе с усишинцами обязаны были давать шамхалу 100 быков. Причем интересно, что в источнике сначала названа Усиша, а потом Акуша, что опять-таки является показателем того, что в этот период Акуша еще не была центром верхнедаргинцев. Как было отмечено выше, Акуша возвышается над другими селами только после похода Тимура, когда он в противовес разрушенному и разоренному его войсками Усиша (Ускиша), являвшейся не только политическим центром верхнедаргинцев, но и одновременно христианским центром, где находилась соборная церковь с епископом, возвышает Акуша как политический и идеологический центр.

Акушинцы самыми первыми приняли ислам среди верхнедаргинцев, а усишинцы, мугинцы и мекегинцы в период Тимура еще не были мусульманами. Поэтому против них

и был предпринят поход Тимура в 1396 г., когда он возвращался, разгромив в 1395 г. Тохтамыш, разорив земли Поволжья, Придонья, Приазовья, Северного Кавказа и перезимовав в районе реки Кумы. Тимур не тронул Акуша. Напротив, он возвысил ее, подчинив акушинскому кадию все верхнедаргинские общества. Но возвышению Акуша способствовало не только иноземное вмешательство. Занимая очень выгодное географическое положение в центре верхнедаргинских обществ, через территорию которого проходили пути, связывающие даргинские общества с лакцами, аварцами, Сюргинским обществом, приморским Дагестаном и т. д., Акушинское общество, кроме того, являлось и наиболее многочисленным среди других даргинских обществ. Следовательно, оно являлось и наиболее сильным. К тому же, как отмечалось и выше, раньше, чем усишинцы, мугинцы и мекегинцы, акушинцы приняли ислам. Поэтому Тимур и решил противопоставить Акуша остальным обществам не только как своих противников, но и как правоверных против неверующих для распространения среди них ислама. Это иноземное вмешательство ускорило возвышение Акушинского общества. Поэтому оно начинает фигурировать в исторической литературе после тимуровского похода. И все верхнедаргинцы после возвышения Акуша становятся известны в источниках под общим, собирательным названием – «акушинцы».

После смерти Тимура зависимость от иноземцев ослабла, в результате чего создались условия для хозяйственного возрождения. Как и повсеместно в Дагестане, у верхнедаргинцев во главе с Акуша это отразилось в процессе образования крупных населенных пунктов, протекавшем и завершившемся в этот период. Именно к этому времени относится объединение оставшихся от погрома маленьких населенных пунктов вокруг более крупных и на этой основе образование территориально-тухум-ных и территориальных сел. Согласно преданиям, в Акуша переселились жители из местностей Сидала кьакьри, Инзухъла, Халамижитла бекIлизила и Шейхла гIинизла. В результате этого объединения Акуша превратилась в еще более крупное селение и ее роль как центра верхнедаргинцев еще более возросла.

Образование крупных населенных пунктов имело большое значение в истории народов Дагестана. Как отмечает А.Р.Шихсаидов, «складывался тот центр, вокруг которого концентрировались другие населенные пункты. Объединение нескольких аулов вокруг одного повышало значение территориальной общины и усиливало ее обороноспособность. В то же время «образование крупных селений, в свою очередь, было возможно только на основе больших успехов хозяйственной жизни».

И действительно, хозяйственные успехи Акуша, ставшей крупным территориальным селением, были велики. Как показывают источники, Акуша с этого времени и вплоть до конца XIX в. являлась одним из крупных экономических центров Дагестана. Акушинцы в основном занимались полеводством, в чем основное место занимало земледелие. Еще в 1728 г. участник Каспийского похода Петра I 1722 г. майор И.-Г.Гербер писал, что акушинцы пашен не много имели, живя между горами, но они использовали для земледелия все удобные и неудобные земли, возводя террасы. В начале XIX в. ген. А.П.Ермолов, отмечал, что акушинцы хотя занимали гористые места, но среди них находились не весьма обширные, но прекрасные земли. «Земля оной (Акуша. – Б.А.) весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет малейшего пространства не возделанного». О развитии земледелия в Акуша говорит и то, что у акушинцев было 15 мельниц, построенных начиная от местности Дузлагъала и кончая местностями Гъямг и Кавкази.

Сильно было развито у акушинцев животноводство. Основное место в нем занимало овцеводство. Акушинцы содержали огромное количество овец, которых в зимний период содержали на арендуемых на равнине пастбищах (кутанах) Ванаши хъарахъ, Айди хъарахъ, Гинзбар и др., а также в Салатавии. По сведениям И.-Г. Гербера, вместе с другими горцами акушинцы только на зимние пастбища шамхала Тарковского перегоняли до 100.000 овец.

Была развита у акушинцев и торговля. Акуша была одним из известных центров торговли горного Дагестана. Раз в неделю здесь собирался базар, куда приезжали торговать со всего Дагестана. Сами акушинцы ездили для продажи продуктов животноводства, скота, шкур, сукна из овечьей шерсти, попон, войлока и т. д. не только в торгово-ремесленные центры Дагестана – Дербент, Тарки, Кумух, Эндирей, Маджалис, Ботлих, Кубачи и т. д., но и за пределы Дагестана – в Тбилиси, Телави, Сигнахи, Баку, Шемахи, Нуху, Кизляр, Астрахань, Нижний Новгород и др. русские города.

Период после тимуровского похода (конец XIV – начало XV вв.) характеризуется также усиленным распространением и укреплением ислама. В связи с этим в Акуша начинает широко распространяться арабоязычная культура. Об этом говорит появление здесь арабских книг, знатоков арабского языка и догм шариата, которые переписывали разнообразную по своему содержанию арабскую литературу. Так, житель Акуша Идрис, сын Ахмеда в 898 г.х. (1492 г.) переписал книгу «Талим мутаалим» («Наставление мутаалимам»), в 903 г.х. (1497 г.) – книгу восточного философа ал-Газали «Минхадж ал-абидин». Идрис также попытался создать даргинскую письменность на основе арабского алфавита. В 912 г.х. (1507 г.) он переписал книгу ал-Газали под названием «Ихья улум ад-дин» («Оживление религиозных наук»). На полях этой рукописи имеются надписи, в которых содержатся даргинские слова, примечания и целые предложения, написанные рукой переписчика.

После похода Тимура в Верхнее Дарго, видимо, была построена указанная выше главная акушинская мечеть, которая, по словам М.М.Ковалевского, являлась «одной из древнейших в Дагестане». Она была построена на изолированной вершине горы, называемой Хала мижит (примерно в 1 км от центра села), являющейся очень удобным в стратегическом и религиозном отношении местом.

Джума-мечеть в с. Акуша. Фото Х.А. Амирханова.

О строительстве главной акушинской мечети в послетимуровское время на указанной горе говорит то, что до этого здесь находилось тухумное поселение и после переселения его жителей в Акуша это место стало свободным именно в это время. Жители этого поселения переселились не в Верхнюю Акуша, а в долину, куда переселились жители и других тухумных поселений, в том числе и часть жителей из Верхней Акуша, плотно заселенной и не имеющей территории для дальнейшего расширения селения.

Занимая самое высокое место, мечеть как бы олицетворяла величие мусульманской религии. В то же время эта мечеть была труднодоступным для внешних врагов зданием, хорошим оборонительным сооружением. Это было большое трехэтажное здание. Первый этаж представлял собой крепость с бойницами. Он был предназначен для укрытия стариков, женщин и детей во время нападения и борьбы с внешними врагами. На втором этаже учились и жили мутаалимы. Третий этаж был предназначен для молитвы. Как рассказывают, чтобы ходить вниз за водой незамеченным, от мечети до реки Акушинки был построен подземный ход, а вокруг самой мечети находился глубокий ров.

Для строительства мечети был использован строительный материал разрушенной мечети в местности Шейхла Гинизла, в том числе и камень с арабской надписью о строительстве мечети в 115 г.х. (733–734 г.), который был вмонтирован в одну из стен мечети. Кроме того, при строительстве этой главной мечети был использован строительный камень из местности «МягЯра», находящейся на расстоянии 9 км от Акуша. Согласно преданиям, для строительства этой мечети из Аварии были приглашены 40 каменщиков по имени Магомед. Для содержания их до конца строительства мечети Акушинское общество содержало целую отару овец.

Акуша и в этот период истории оставалась в составе Казикумухского шамхальства. В указанный выше рукописи арабской книги «Аль-Ихья улум ад-дин» («Оживление религиозных наук»), переписанной акушинцем Идрисом, сыном Ахмеда, имеется запись о том, что она «переписана в Акуша – одном из селений Казикумуха».

Вхождение Акуша в состав Казикумухского шамхальства подтверждается и другими сведениями. На одном из старинных кладбищ Акуша в 50-е годы XX в. была обнаружена надгробная плита с надписью:

- 1 Это могила Т-б-ка б. Наджм ад-Дина,
- 2 мученика, который умер в бою с неверными
- 3 в начале сафара девятьсот восьмидесятого года.

Сафар 980 г.х. = 13.VI–VII.1572 г.

Надгробные плиты с аналогичными надписями сохранились также в некоторых лакских селениях, например, в Хосрехе, где за селением на дороге за речкой в 1958 г. А.Г.Гусейнаев обнаружил и передал известному этнографу Л.И.Лаврову, который и издал надписи двух надгробных плит, поставленных также погибшим в 980 г.х. в борьбе с неверными. На основе этих сведений Л.И.Лавров пришел к предположению, что акушинцы и лакцы участвовали в одном и том же сражении против «неверных» – московского царя или грузин. Кроме того, известно, что в 980 г.х. был «погребен и Сурхай-хан, сын Будай-шамхала, который мог погибнуть с ними в одном и том же бою».

Следовательно, акушинцы еще в те времена выставляли для шамхала свои воинские силы, что подтверждается и сведениями конца XVI в. Так, участник похода русских войск в Дагестан в 1593 г. под командованием Хворостинина Аллагя среди остальных владений Дагестана, которые выставляли шамхалу свои войска, перечисляет и «кабак Аркуша», где находился «шевкалов уздень Бурунчи», у которого было «30 человек конных». Очевидно, это постоянные дружинники-нукеры, не считая пеших ополченцев, которых, конечно, было в десятки раз больше, чем «конных».

Безусловно, как часть шамхальства, Акушинское общество было вовлечено во все политические события, имевшие место в тот период. Шамхальство же было втянуто в орбиту противоречий и противостояний военно-феодалных государств Востока-Сефевидского Ирана и Османской Турции. И не последнюю роль в событиях, связанных с политикой этих двух соперничавших государств в Дагестане, играла Акуша как влиятельная, многолюдная, сильная политическая структура.

Об этом говорят различные события, связанные с нежеланием народов Дагестана подчиняться диктату этих государств. Так, в 1611–1612 гг. акушинцы совместно с сюргинцами выступили против ставленника шаха Аббаса I в Шабране Юсуф-хана. На полях арабской рукописи «Халл ал-Иджаз», хранящейся в Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН, имеется запись, где сказано, что, «когда шла война шиитов (персов) и Юсуф-хана с Дарго, Сюрга и Атразом, в конце концов Дарго победило над Юсуф-ханом и неприятелями. Из войск Юсуф-хана убили 2000 человек, носивших оружие».

Как видно, здесь в конце записи подчеркивается, что в конце концов победило Дарго. Значит, ставленник шаха Юсуф-хан был послан против Дарго, а остальные горцы помогали ему. Очевидно, Дарго, под чем часто имеется в виду Акушинское общество не только как собирательное понятие верхнедаргинцев, но часто само это общество как их центральная часть, главная структурная единица федерации Акуша-Дарго, не подчинилось диктату иранского шаха, и последний направил против него войска Юсуф-хана, которого постигла неудача.

Обозленный таким бесславным исходом первой карательной экспедиции, шах Аббас I в следующие годы посылает против Акуша-Дарго большие отряды, которые жестоко расправились с жителями союза за оказанное сопротивление. Сохранились письменные сведения и эпиграфические надписи, свидетельствующие о кровопролитном сражении, происшедшем между войсками Акушинского союза и персидскими войсками около селения Усиша. В надписи на одной из надмогильных плит в селении, который был обнаружен местным арабистом М.Гасамаховым в 1962 г. в Шукты, говорится, что хозяин его Магомед, сын Юсупа погиб в 1020 г.х. (1612 г.) в селении Усиша в борьбе с войсками кызылбашей (персов). Вместе с ним в один день было убито кызылбашами 4400 человек.

Сражение с завоевателями произошло около селения Усиша, надо полагать, потому, что здесь находится более просторное, ровное место в долине реки Усишинки, где и поджидали прихода войск Аббаса I верхнедаргинцы. И, конечно, основную силу против завоевателей выставили акушинцы. По рассказам старожилов селения Акуша, надгробных памятников с

надписями, что хозяева их погибли в сражении с кызылбашами в 1020 г.х., только на одном из старых кладбищ, где в 30-е годы XX в. был построен дом культуры, находилось около 40.

Но покорить Акуша-Дарго персам не удалось. Поэтому и после указанного сражения шах посылал сюда новые войска. На полях одной арабской рукописи, хранящейся у жителя Усиша М.Галбецова, имеется запись о приходе войск рафизитов (персов) в местечко Усиша в области Дарго в 1022 г.х. (1613–1614 г.).

В конце XVI–XVII вв. Казикумукское шамхальство переживает период распада. Происходит дробление его территории, из него выделяются самостоятельные и удельные владения. Слабеет власть шамхала и в Акуша-Дарго. В 30-е годы XVII в., в период правления шамхала Сурхай Мирзы-хана, в Казикумуке образовалась враждебная шамхалу сильная оппозиция феодалов и феодализирующейся знати, которая принудила его переменить свою столицу. С переходом после этих событий шамхала в Тарки верхнедаргинцы во главе с Акуша окончательно отделились от шамхальства, хотя и в последующем они поддерживали крепкие политические и экономические связи с Тарковским шамхальством, находясь под сильным его влиянием из-за аренды на его территории зимних пастбищ.

В XVII–XVIII вв. продолжается усиление позиций ислама. В этих целях на территории Акуша-Дарго, в особенности в самом Акуша, строились новые мечети, открывались примечетские школы (медресе), в которых обучались Корану, арабскому языку и письменности. В квартале Хъарша сохранилось здание старой мечети с указанием даты его строительства – 1093 г.х. (1682 г.). Эта квартальная мечеть, известная как «Устарка мижит», была обнаружена в 1993 г. А.Р.Шихсаидовым. В прошлом небольшие мечети имелись в каждом квартале Акуша.

Акуша, подобно Хунзаху, Ахты, Цудахуру, Цахуру и другим крупным селам, уже издавна славилась своими школами, где преподавание основ ислама переходило из рода в род. Не случайно из Акуша выходило много знатоков догм ислама и арабского языка, которые служили при мечетях даже за пределами Акуша-Дарго. Причем готовились они не только внутри союза, но и в других регионах Дагестана.

Дом шейха Али-Гаджи Акушинского. Фото Х.А. Амирханова.

Могила-зиярат шейха Али-Гаджи Акушинского. Фото Х.А. Амирханова.

Сохранилась запись, что в 1100 г.х. (1698 г.) в Хунзахе мутаалимом был акушинец по имени Омар. Под непосредственным влиянием арабоязычной культуры выросли в Акуша известные во всем Дагестане ученые арабисты. В арабской рукописи Таджуддина Мухаммада ал-Карамани под названием «Хал-ал-иджаз» имеется запись, что она переписана в 1021 г.х. (1612–1613 г.) акушинцем Гаджи-Махмудом, сыном Магомеда, являвшимся «кадием эпохи».

Арабоязычная грамотность в Акуша, как и в других крупных селах, в XVII–XVIII вв. была распространена широко. Об этом говорят многочисленные надписи на полях арабских книг и надгробных памятниках.

В Акуша жило много знатоков арабского языка, которые переписывали арабские книги, разнообразные по своему содержанию. Помимо богословских книг, они переписывали книги по грамматике, словари, сочинения различных жанров, географическую литературу, книги по астрономии, медицине, мусульманскому праву (фикху) и т. д. Во время летних экспедиций в 1962–1993 гг. мы видели в Акуша, как и в других крупных селах, как Усиша, Муги, Цудахар, Куппа и т. д., многочисленные книги, переписанные местными арабистами. Акуша практически была центром подготовки арабистов для сел Верхней Даргинии, Сюрга, да и других народов Дагестана. В результате во многих селах Акуша-Дарго уже в XVI–XVIII вв. были свои знатоки арабского языка, которые переписывали арабские книги, о чем сохранились арабоязычные записи в переписанных ими рукописях. Все они собраны, переписаны и переведены на русский язык А.Р.Шихсаидовым. Так, арабская рукопись Мухаммада, сына Ахмада под названием «Канз ал-рагибин» («Сокровищница желающих») (мусульманское право) была переписана в 1103 г. х. (1691–1692 г.) жителем селения Танты Курбаном, сыном Мухаммада. Житель сюргинского селения Напки Мухаммад, сын Махмуда в 1120 г.х. (1708–1709 г.) переписал книгу Али ибн Султан Мухаммад ал-Кари под названием «Ал-асрад ал-марфуат» – предание о пророке и книгу неизвестного автора под названием «Ал-Хуласат» («Краткое изложение»). Мухаммад, сын Шейха из селения Мекеги переписал книгу Мухаммада ал-Мар'ата под названием «Тартиб ал-улум» («Упорядочение наук»). Таких примеров можно привести много.

Владея хорошо арабским языком, переписчики знакомились с содержанием переписываемых книг, которые, как отмечалось выше, были посвящены не только религиозной теме, но и различным наукам.

Важным показателем наличия грамотных людей и в то же время показателем высокого уровня арабоязычной письменности являются записи на полях арабских книг. В них не только имеются комментарии, но и зафиксированы разнообразные события общественно-политической и личной жизни как даргинцев, так и других народов Дагестана. Поэтому эти записи являются как памятниками письменности, так и важнейшими источниками по истории Акуша-Дарго и Дагестана в целом. Много книг с подобными записями имеются в библиотеке жителя Акуша М.Чаракова.

К памятникам письменности, являющимся вместе с тем, подобно записям на полях арабских книг, важнейшими источниками по истории как Акуша-Дарго в целом, так и селения Акуша и ценными историческими памятниками средневековья, относятся памятники эпиграфики – надписи на камнях. При строительстве общественных зданий в 20-30-е годы XX в. многие памятники эпиграфики были уничтожены и использованы в качестве строительного камня. Поэтому до нашего времени, особенно из древних памятников, сохранилось мало. Наиболее ранним памятником эпиграфики из сел. Акуша является приведенный выше надмогильный памятник 1572 г., имеющийся на одном из старых кладбищ квартала Дайша. Но раньше таких старинных надмогильных плит было множество.

Говоря о надмогильных памятниках, следует отметить, что они являются не столько памятниками письменности, сколько памятниками изобразительного искусства, памятниками художественной обработки камня. Сохранившиеся до наших дней памятники XVIII–XIX вв. вызывают восхищение оригинальностью искусства резьбы по камню каждого мастера в отдельности. Эти памятники отличаются не только разнообразием и богатством орнамента, но и стилем. Наряду с маленькими плитами с указанием лишь имени покойника, сохранились и большие, монументальные надмогильные плиты с пышным орнаментом, искусным оформлением, на которых умелыми руками местных мастеров отражена жизнь покойника. Изображаемые на памятниках арабские буквы высечены как декоративные украшения, в результате чего они как бы сливаются со всей сложной композицией геометрического орнамента. Подобных памятников на кладбищах Акуша весьма много.

Переписка книг, арабоязычные записи, эпиграфические памятники являются свидетельством распространения в Акуша, как и в других селах Верхней Даргинии, арабоязычной грамотности, арабской письменности. На арабском языке велась деловая и официальная переписка, почти вся литература писалась на арабском языке. Как отмечал академик И.Ю.Крачковский, на Кавказе (можно сказать, в том числе в Акуша) «вплоть до Октябрьской революции арабский язык был языком Корана... был языком общения интеллигенции, народов этой «горы языков».

Конечно, арабский язык и литература, поступающая из мусульманских стран, были доступны преимущественно представителям привилегированных слоев, как, например, представителям кадиевского тухума. Как отмечал А.М.Барабанов, как правило, носителями мусульманской религии и культуры до конца XVIII в. были только представители мусульманского духовенства и незначительная феодальная верхушка.

И все же, несмотря на все это, нельзя отрицать и большой положительной роли, которую играла арабская культура. Через поступающую разнообразную по жанру арабскую литературу акушинцы, как и другие народы Дагестана, знакомились с культурными достижениями других стран и в особенности с культурой Востока.

Акуша в XVII–XVIII вв. уже было довольно большим селением, разделенным на кварталы Хьарша, Хьарша, Дайша и Панжа. По сведениям академика И.А.Гюльденштедта, в 70-е годы XVIII в. селение Акуша было «многолюдно» и содержало «в себе до 1000 семейств».

В каждом квартале имелись тухумы, расселившиеся смешанно, а порою и поквартально. Среди них особое место занимали кадиевские тухумы, из среды которых и выбирались акушинские кадии. Это Кьадилачаракла, Зугьумла МахІямадхъала, Мусакьадихъали, МахІямадкьади хъали, ГІяшурала Зугьумла, Ухъяна Зугьумла и т. д.

В квартале Дайши проживали тухумы ЗалимхамахІямад-къали, ЧятйхІяжихъали, Хялислан; в Хъарша – ХяхІяжиъали, Ухъяна Зугьумхъали; в Панжа – Петяхъуни, ТуплагІямархъали и т. д. Наиболее сильными были кадиевские тухумы, которые ранее входили в один тухум Кьадихъали, а затем из него образовались более мелкие тухумы, названия которых возникли от имени того члена, который становился кадием.

Многочисленность Акуша давала возможность акушинцам выставлять большое войско и играть важную роль в политической жизни Дагестана: вмешиваться в различные конфликты между политическими структурами и решать их, давать определенные советы, участвовать в различных походах как внутри Дагестана, так и за его пределами на стороне того или иного феодального владетеля или совершать самостоятельные военные акции и т. д. К помощи акушинцев обращались почти все основные феодальные владетели Дагестана (шамхалы, уцмии, аварские и казикумухские ханы, дербентские и кубинские владетели и т. д.). В 1712 г. акушинцы вместе с кайтагским уцмием участвовали в походе на Шемаху. В 1722 г. они поддержали уцмию, выступившего вместе с утамышским султаном Махмудом против войск Петра I, а в 1725 г. были на стороне шамхала Тарковского Адиль-Гирея, который выступил против русских войск, оставленных Петром I в Дагестане и находившихся в крепости Святого креста. События 1725 г. предопределили вступление Акуша в подданство России. Вместе с кайтагским уцмием, который, по словам И.-Г.Гербера, напугал акушинцев, что «русские намерены с войском в Акуша идти и их разорить», в 1725 г. они приняли «над собой власть России» и «обязывались принимать участие в военных действиях вместе с «войсками России».

После Гянджинского договора 1735 г., заключенного между Россией и Ираном, по которому Россия в силу создавшихся условий уступила Дагестан Ирану, акушинцы вместе с другими горцами, не желая подчиняться Ирану, поднялись на борьбу с войсками Надир-шаха. В 1735 г., когда Надир совершил второй поход в Дагестан и двинул свои войска на Казикумух, акушинский кадий «с главными жителями изъявил ему покорность». Однако, когда Надир ушел из Акуша-Дарго, акушинцы тайно помогали Сурхай-хану I. Узнав об этом, Надир, возвращаясь из лакских земель, послал против акушинцев карательный отряд, который встретил у местного населения упорное сопротивление. Но завоеватели опустошили территорию Акушинского союза. Было захвачено много пленных, которых Надир отпустил якобы из уважения к просьбе кадия, ходатайствовавшего перед ним от имени жителей союза принять их раскаяние.

Когда Надир-шах предпринял третий поход в Дагестан и сосредоточил свои войска в Андалальском союзе, на помощь аварцам сюда двинулись другие народы Дагестана, в том числе и акушинцы. Как известно, Надир-шах потерпел в Андалале позорное поражение, после чего ушел в Дербент, недалеко от которого построил крепость, получившее впоследствии название «Иран-Хараб» («Гибель Ирана»). Отсюда совершались набеги во все части Дагестана, в том числе и в Акуша-Дарго. В 1742 г. был совершен опять поход в Аварию через даргинские земли, чтобы смыть позор андалальского поражения. Персы снова потерпели поражение и вернулись, по словам А.И.Тамая, «захватив с собой лишь полученных ими от даргинских аулов заложников».

Не имея успеха, учитывая трудности зимы, распространение различных болезней, дезертирство персидских солдат и переход их на сторону дагестанцев, убедившись в безнадежности своих целей покорить горцев, Надир-шах в 1743 г. прекратил военные действия в Дагестане и в феврале того же года с остатками войска отступил на юг.

Большую роль в разгроме войск Надир-шаха под «Иран-Харабом» сыграли и акушинцы. «... в кровавой битве под Иран-Харабом...», – писал В.Потто, – акушинский народ нанес ему страшное поражение». После этих событий, писал далее он, акушинцы «слыли в горах непобедимыми и как сильнейший народ».

В конце XVIII в. роль Акуша в политической жизни Дагестана еще больше усиливается. Акушинцы активно участвуют во всех политических событиях Дагестана. К акушинскому кадию обращаются за помощью и советом по различным вопросам феодальные владельцы и сельские общества. Все это время и вплоть до первой четверти XIX в. Акуша выступала против политики России в Дагестане. Но Россия не прекращала своей активной политики в Дагестане. В 1804 г. русские войска взяли Дербент. Шихали-хан Дербентский и Сурхай-хан II Казикумухский – наиболее ярые противники России – привлекали к борьбе против нее и даргинцев. Русские войска несколько раз разбивали войска Шихали-хана и Сурхай-хана II. Уставшие от бесконечных войн, горцы не желали поддерживать противников России. В 1811 г. был разгромлен Шихали-хан, а в следующем году – Сурхай-хан II, которому, когда он из Кураха бежал в Казикумух, как аварцы, так и акушинцы и цудахарцы отказали в помощи. Акуша и другие общества на просьбу Сурхай-хана II «дать ему пособие в войсках» ответили отказом, верхнедаргинцы решили вступить в подданство России. В июне 1812 г. к ген. Хатунцеву прибыли от «акушинского и всего даргинского народа кадии и почетные старшины с просьбой принять в подданство России весь даргинский народ». Они «от имени всего народа... учинили присягу на верность е.и.в., и почетнейшие из них утвердили онуя своими печатями».

В 1813 г. в результате подписания с Россией и Персией Гюлистанского мирного договора Дагестан официально был присоединен к России. После этого начинается активизация колониальной политики России в Дагестане. Здесь размещались русские войска, строились укрепления и опорные пункты. Все это, естественно, вызывало недовольство феодальных владельцев. Некоторые из них, которые раньше сами обращались к кавказскому командованию с просьбой принять их в подданство России и охотно принимали условия, предложенные русскими властями, теперь решили оказать сопротивление.

Сторонником России практически оставался только шамхал Тарковский. В 1818 г. владельцы Аварии, Кайтага, Мехтулы, Казикумуха, к которым «пристала Табасарань», решили напасть на шамхальство Тарковское. Шихали-хан Дербентский, как писал В.Потто, «привлек» на сторону союза дагестанских владельцев акушинского кадия и «поднял воинственный, сильный и в высшей степени свободолюбивый народ акушинский». А.П.Ермолов, назначенный в 1816 г. главнокомандующим на Кавказе, по словам того же В.Потто, понял, что «решающее значение в этом движении будут иметь акушинцы». Поэтому он приказал генералу Пестелю немедленно «с двумя батальонами пехоты и кюринскою конницею занять пограничный с Акушой Каракайтаг, а от акушинцев потребовать присяги и аманатов». Хотя Пестель и занял Кайтаг, его положение было критическим. Против него собралось 20 тыс. человек, среди которых были и акушинцы во главе со своим кадем.

Узнав о положении Пестеля, А.П.Ермолов двинул войска из Грозного. Через Засулакскую Кумыкию он двинулся на Мехтулу, и 12 ноября русские войска пришли в Параул и отсюда к Большому Дженгутаяю. В 6 верстах от Параула стоял акушинский кадий с четырехтысячным отрядом. Тем временем Пестель отомстил башлинцам, истребив «город до основания». Горцы, до которых не дошли русские войска, после поражения Мехтулы и Кайтага ждали, что они двинутся и на них. Но Ермолов, как писал В.Потто, не «двинулся дальше, ... он возвратился на линию. Окончательный расчет с акушинцами был отложен на следующий год».

Между тем волнения в горах продолжались и после разгрома Мехтулы и Кайтага. Владельцы Дагестана (кроме шамхала и кюринского хана) готовили новую акцию, распреде-

лив, кому и куда идти. Они решили воспрепятствовать строительству крепости Внезапной. «Сильные акушинцы со своей стороны угрожали тем, которые хотели оставаться верными русским».

Ермолов начал борьбу с мятежниками. Сначала Мадатов, поставленный им во главе экспедиционного отряда, усмирил Табасаран, затем покорил Кайтаг и отстранил от власти уцмий Адиль-хана, который бежал в Акуша, а затем укрылся в Аварии.

Теперь очередь была за Акуша-Дарго, состоявшем из пяти союзов сельских общин (Акушинского, Усишинского, Мекегинского, Мугинского и Цудахарского) и его столицей Акуша. Это было, по словам В.Потто, «знаменитое в горах любовью к независимости и гордым, воинственным духом» общество. По его же словам, как отметили и выше, «акушинский народ нанес страшное поражение» Надир-шаху «в кровавой битве под Иран-Харабом, что значит «Гибель Ирана», «акушинцы после этой победы слыли в горах непобедимыми и как сильнейший народ привыкли с давних пор вмешиваться в посторонние распри и играть в событиях первенствующую роль». Этот народ и предстояло теперь покорить Ермолову. К этому времени Акуша-Дарго действительно стояло в одиночку против России. Россия покорилась все Каспийское побережье, из своих земель были изгнаны уцмий Кайтага, Гасан-хан Мехтулинский и Шихали-хан Дербентский, лишенный генеральского чина аварский хан. Все они «стояли перед всем живым свидетельством грозящих опасностей».

В такой обстановке у дагестанских владетелей возникает идея объединиться в союз и противостоять проникновению Ермолова в горы и строительству здесь опорных пунктов, какие он поставил в Чечне и на Кумыкской плоскости. Во главе движения стояли «гордые акушинцы», и «акушинская земля должна была сделаться ареной кровавого столкновения». Акушинский кадий принял на себя главное руководство, ему помогали аварский хан, уцмий, Сурхай-хан II Казикумухский, Шихали-хан Дербентский, располагавший значительными суммами, которые он получил из Персии.

Акуша-Дарго в это время на самом деле было наиболее сильной и активной политической единицей в Дагестане, и не без основания Ермолов писал, что «акушинцы служили твердою опорою всем прочим народам и могущественным своим влиянием их против нас (России. – Б.А.) вооружали». Уместно здесь привести и слова другого очевидца – полковника Н.Н.Муравьева-Карсского, посланного Ермоловым в Тарки начальствовать над двумя батальонами, завершить строительство Таркинской крепости и наблюдать за непокорными жителями. Он писал, что акушинцы богаты, многочисленны и сильны в Дагестане. «Общество сие отличается от прочих образований своим мудрым правлением и силою, всегда имело большое влияние на все другие общества и владения Дагестана, так что оно даже имело у себя в залоге сыновей владельческих (шамхалов сын находился в залоге до 1818 года). Многочисленные войска акушинцев считались непобедимыми до вторжения к ним Александра Петровича (Ермолова. – Б.А.)». Поэтому Ермолов писал, что «народ дагестанский Акушинцы» является «виновником всех беспокойств, и так далеко простирается его дерзость, что ... я должен непременно идти для наказания сего народа».

Целью дагестанских владетелей было, объединившись в союз, отстоять общую независимость, восстановить весь политический строй Дагестана в том виде, в каком он существовал до появления русских, освободить все владения, занятые русскими. Было решено сначала разорить владения преданных России кюринского хана и шамхала. Ненависть к ним была настолько велика, что мать аварского хана, выдавшая за шамхала двух дочерей, писала к акушинскому кадию, чтобы тот постарался захватить шамхала живым и «доставил ей удовольствие напиться его кровью».

Конечно, в таких условиях новый поход в Дагестан был неизбежен. Успешно ведя военные действия в Чечне, Ермолов поспешил приступить к решительным действиям. Дав указание генералу Мадатову, находившемуся в Кайтаге, форсированным маршем идти к грани-

цам Акуша, сам он 11 ноября 1819 г. в холодную, буранную погоду пошел к Таркам. Мадатов, прибыв в Карабудахкент, послал к акушинцам прокламацию, в которой требовал аманатов и выдать пленных. Акушинцы ответили отказом. Они писали Ермолову: «Знай, что мы люди вольные, у нас нет эмиров, и нет могущественных владельцев в наших деревнях».

Сильные отряды акушинцев двинулись к границам шамхала, который, по словам Н.Н.Муравьева-Карсского, «боялся своих поданных и соседей Акушинцев». Акушинцы, которых, по данным В.Потто, было 25 тыс., могли преградить единственную дорогу, идущую в горы в этом месте. В такой обстановке Ермолов «мастерскими переговорами, то льстя, то угрожая акушинцам, задерживал их движение, усыпляя их внимание», и дал возможность отряду Мадатова, двигавшемуся из Кара-будахкента, занять выгодную позицию, и тем самым «дорога в Акуша была открыта».

Движению русских войск акушинцы не препятствовали. Проводники «охотно показывали, не веря успеху их предприятия и, быть может, желая именно заманить русских в глубь горной страны». Как писал В.Потто, «как бы в насмешку показывали они места, где были разбиты войска шаха Надира, дороги, по которым они бежали». «Таково было мнение о могуществе акушинского народа, – говорил Ермолов, – и немало удивляло всех появление наше в сей стране». И сам Ермолов в своих «Записках» отмечал, что «акушинский народ сильнейший в Дагестане и воинственный».

Первым населенным пунктом, взятым русскими, было селение Урма. Затем начались переговоры со старшинами акушинцев, которые вели себя дерзко и не соглашались на условия Ермолова. На помощь акушинцам приходили койсубулинцы и «многие другие вольные общества Дагестана». Вернувшись в лагерь, старшины рассказали, что у русских мало войск, солдаты изнурены и едва могут «достойно употребить оружие» против них. Успокоившись таким известием, «гордые акушинцы в сознании собственного могущества заснули спокойно». В это время русские «двинулись к неприятельской позиции». Обогнув акушинцев, они преградили дорогу в Акуша и с рассветом 19 декабря начался бой под Левашами. Мадатов занял Левашу. Переночевав здесь, русские войска двинулись вперед и 21 декабря заняли безлюдную Акуша, «город был пуст». Жители его бежали в соседние горы, писал В.Потто. Их не преследовали, не тронули их имущество. Разрушены были только дома, принадлежавшие друзьям Шихали-хана и участников действий против русских. Видя такое великодушие, постепенно акушинцы возвратились в село. Почтеннейшие 150 старшин акушинцев явились к Ермолову, чтобы объявить от лица народа покорность.

Когда везде воцарился порядок, акушинцы и собранные «главнейшие из старшин всех селений даргинского общества» были приведены к присяге русскому императору. В приказе по корпусу Ермолов говорил: «Труды ваши проложили нам путь в середину акушинского народа, воинственного и сильнейшего в Дагестане». Ермолов назначил главным кадием бывшего в этом звании до этого старца Зухума, сняв Магомед-кадия, от почетных старшин были взяты 24 аманата, наложена дань в 2000 баранов, и русские войска 24 декабря покинули Акуша.

Акуша-Дарго сохранило прежний образ управления на основе местных обычаев. Во главе союза по-прежнему оставался акушинский кадий, власть которого была наследственная в ка-диевском тухуме.

После этого Акуша и ее главный кадий были верны России и не принимали никакого участия в волнениях горцев. Даже в конце 1829 г., когда Газимагомеду повиновались Койсубула, Гумбет, Анди, Салаватия и другие общества Нагорного Дагестана, на его стороне были половина шамхальства, вся Мехтула, Казикумух, Кайтаг и Табасаран, Акуша-Дарго оставалось верным России. И только в 1844 г. под влиянием побед Шамиля над русскими войсками и под влиянием агитации и требований сторонников Шамиля Акуша-Дарго во главе с акушинским кадием Магомедом изменило данной России в 1819 г. присяге верности

и примкнуло к восстанию горцев. Но вместе с шамилевскими войсками оно было разгромлено, после чего на его территории были размещены русские войска.

Все время, вплоть до присоединения к движению горцев и даже позже, Акуша со своим наследственным кадием являлась одним из самых значимых политических структур Дагестана. «Акушинский кадий и в этот период пользовался огромным авторитетом и влиянием на других правителей Дагестана». Акушинский кадий, – писал А.Комаров, – всегда пользовался большим почетом и, имея в своем распоряжении самое сильное из всех обществ Дагестана, имел важное влияние на дела соседей. «Акушинский кадий сам лично общался с феодальными владениями, их правителями и руководителями союзов сельских общин, и к нему, как к главному административному лицу, обращались правители и руководители за советом и помощью при решении различных вопросов. Личность акушинского кадия считалась священной. Во время съездов верхнедаргинцев на поляне «Хъярбуки диркья», где на холме на особом месте восседал акушинский кадий, нельзя было смотреть в его сторону. В главную акушинскую мечеть, находящуюся на вершине горы, несмотря на крутой и длинный подъем, молящиеся должны были добираться пешком, и только акушинский кадий имел право ехать туда верхом. Акушинскому кадию принадлежало право короновать вновь избранного шамхала. В источнике сказано: «Так как акушинские общества были весьма сильны и страшны для соседей, то они были в особенности уважаемы у шамхала и ханов, и отсюда явился адат, что при короновании шамхала все 5 даргинских обществ приглашались на празднество с почетными людьми, и акушинский кадий надевал папаху как почетнейший, получая за это коня с седлом».

Авторитет и влияние акушинского кадия в Дагестане делали его власть в Акуша-Дарго еще сильнее, а столицу федерации сел. Акуша – одним из политических центров Дагестана. Таким практически оставалось селение Акуша и после присоединения Дагестана к России, и в годы гражданской войны, и в период Советской власти.

Литература

1. *Акташи Аваби Мухаммед*. Дербент-наме /Перев. с тюрк. и араб. списков, предисл. и библиогр. Г.М.-Р.Оразаева и А.Р.Шихсаидова. Махачкала, 1992.
2. *Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. Махачкала, 1929.
3. *Амирханов Х.А.* Исследование памятников Олдована на СевероВосточном Кавказе. М.: Таус, 2007.
4. *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
5. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. //ИГЭД. М., 1958.
6. Древнейший письменный памятник на даргинском языке //Дагестанская правда. 6 июля 1959 г.
7. *Ермолов А.П.* Записки (1816–1827). М., 1866. Ч.П.
8. *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
9. *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999.
10. *Мухаммед-Рафи.* Извлечение из истории Дагестана //ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. V.
11. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965.
12. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб., 1888. Т.2. Вып.2.
13. Тарихи Дербент-наме /Под ред. М.Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.
14. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.: Л., 1941.
15. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. //ИГЭД. М., 1958.
16. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X-XV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975.

Кудали: исторический очерк

З.А. Магомедова С.Х. Газимагомедова

Начиная с XI–XV вв. были созданы произведения особого жанра – региональной историографии. Происходит обращение местных творческих сил не к истории религии, а к истории своего народа, проходит особый этап в развитии местной культуры, связанный с её особым подъемом, с ростом самосознания народа. В данной работе сделана попытка собрать и обобщить все малоизвестные документы, архивные материалы, предания и легенды истории Кудали, а также упомянуть зафиксированные в письменных источниках имена кудалинцев, проживавших в указанное время.

О времени возникновения села Кудали нет достоверных данных. История образования села своими корнями уходит в глубокую древность. Старожилы не помнят, когда и кто впервые здесь поселился. Какое-то предположение о возникновении села можно сделать по преданиям и легендам, которые сохранились в памяти кудалинцев.

Сел. Кудали. Старая часть села.

Нынешнее Кудали образовалось от слияния более девяти мелких селений: Ухичур, Къавохъ, Цадгъарихъ, Гъунабазул болола, КлибичIараб ганчIихъ, Сидохъ, Укикъ, Кудала-маарда, Агъадиб, Къодохъ, БаIаралъул бакъдаб, Генчасул гъегъ. Эти села объединялись не сразу. В далеком прошлом это были небольшие поселения, которые были изолированы друг от друга и небольшими по численности и хозяйству. Их объединение произошло мирным путём и было вызвано необходимостью защитить себя от нападений соседей и внешней опасности. Ныне в этих сёлах частично сохранились древние развалины.

По мнению А.Р. Шихсаидова, процесс образования крупных населённых пунктов в Дагестане интенсивно протекал в XII–XV вв. Сёла объединились в одно большое под названием КIудиябросо, а впоследствии его стали называть Кудалиб. К XIII в. создалась такая обстановка, что для защиты своей территории селения приходилось охранять. Такую охрану, к примеру, выставляли сёла Гента, Тидиб, Хотода, Гоор, Кахиб, построив хутор Уриб, а в северной части отселок Зауриб для проживания охраны. У кудалинцев такими отселками были Дарада-Мурада, Маалиб, Кулиб. Так, участник Аварской экспедиции Костенецкий (1837 г.) познакомился в Мураде с первым поселенцем в этом месте из селения Кудали, которому тогда исполнилось 125 лет, а его жене 117 лет. К тому времени от старости он ничего

не видел и не слышал. «Я бы не желал дожить до такой старости, у него 4 сына и 6 дочерей, от которых пошло их селение до 100 человек», – пишет Костенецкий в своих записках. И ныне жители селений Хвартикуни, Дарада, Мурада, Тунзи, Маали, Кулиб, Хварада, Горбониб, Багани, Хъуллиб, Силта, Укитль называют село не Кудали, а Кудиябросо. И население этих сёл говорит на кудалинском говоре хунзахского диалекта.

Названия исчезнувших кудалинских сёл дошли до нас с некоторыми изменениями. Данные об этих сёлах нам предоставил М.Х. Халималов – заслуженный учитель Республики Дагестан, краевед. Например, название кудалинского поселения Укикь произошло от слова «Икикь», что в переводе означает «в ореховой роще». Орех на кудалинском диалекте «ик», а на литературном языке – «цулакьо». На самом деле вокруг исчезнувшего села Укикь и ныне стоят ореховые деревья. Название села Ухичур произошло от аварских слов «ухи» – котел, «чур» – мойка. По мнению М. Х. Халималова, здесь жили лудильщики (кузнецы). Название села Цадгъар от слова «цад» – дождь, «гъар» – прошение, т. к. сюда выходили все жители села во время засухи просить у Аллаха дождя. Эта языческая традиция предков сохранилась и поныне. Село Сидохъ расположено на самой высокой горе с абсолютной высотой 2005 м. Название села произошло от аварских слов «си» – башня, «сидохъ» – на башне. На самом деле село служило сторожевой башней для охраны от нападений. Село Кибичараб ганчихъ было расположено там, где лежит огромная (раздвоенная) каменная глыба. Отсюда и название села «у раздвоенного камня». Местные жители используют развалины села Къавохъ, как место для загона скота. Рядом же расположены и остатки исчезнувшего села Рохъдол Хъавохъ. Другое село Гъунабазул болола расположено рядом с Ухичур и Кибичараб ганчихъ. Название села произошло от слов «гъуни» – оползень, «болола» – на голове, что в буквальном смысле – «на вершине оползня». Следующее село Кудаламаарда лежит на горе Рохъомеер (лесная гора). Название села произошло от слов «Кудали» и «маарда» – на горе. Отсюда и название – село на кудалинской горе. Село Генчасул гъегъ расположено на живописном берегу ручейка Агъадибгъар. Название села происходит от имени «генчав» – глухой и «гъегъ» – скопление камней. И сейчас на этом месте очень много камней. По предположению археологов, в IX–XII вв. на этом месте стояла средневековая крепость кудалинского феодала с дворцовыми сооружениями, укрепленными оборонительными стенами (100×100 м) толщиной 1,2 м.

Известно, что формирование и развитие типов и форм поселений, жилищ, хозяйственных построек тесно связано с природно-географическими условиями, образом жизни и, в первую очередь, с хозяйственной деятельностью населения.

Первым фактором при выборе места для поселения, которым руководствовались кудалинцы, как и другие народы, был оборонительный фактор.

Сел. Кудали. Общий вид.

Так, старая часть села расположена на вершине холма Оросиб, который служил в прошлом крепостью. Причиной, которой руководствовались жители, было стремление к недоступности поселения. «Такое стремление, – указывает М.-З.О. Османов, – часто превалировало над другими факторами. Так, часто встречаются аулы, которые расположены на гребне горы, в то время как вода есть только в речке или роднике, находящемся далеко внизу, у подножия».

Богатую и ценную информацию об основных занятиях жителей, а также статистические данные о населенных пунктах Андалальского общества второй половины XIX–XX вв. дает в своих работах Е.И. Козубский.

Так, например, статистические данные по селению Кудали выглядели таким образом:

Год	Количество дымов	Мужского пола	Женского пола	Обоего пола
1886 г.	216	488	490	978
1889 г.	252	526	462	
1896 г.	232	456	513	969
1899 г.	224	463	437	900
Отсел: Сильта	20	41	50	91

1902 г.	233	482	447	929
Сильта	22	43	50	93
1904 г. (2)	255	530	499	1029
1905 г.	233	488	442	930
Отсел: Сильта	22	45	51	96
1906 г.	251	487	447	934
Отсел: Сильта	30	47	50	97
1913 г.	262	472	447	
Отсел: Сильта	34	61	62	

Данные в период национально-освободительного движения под руководством Шамиля:

Насел. пункт	Расст. от окр. упр.	Народ.	Общество или владение до русского влад.	Число дымов	Число душ			Наибс-тва до 1900г.
					М.п	Ж.п	О.б	
Сел. Кудали	11	аварцы	О.Андалал	233	482	447	929	Анда-лал.н.
Сильта, хутор				22	43	50	93	Гуниб-ского округа

Данные за 1895 г. по Е.И. Козубскому:

Наиб, село	Расст. от		Число ды-мов	Число душ			Нар-ть	Прежние общ-тва
	Места пребыв. окруж. нач.	Места преб. наиб.		м	ж	в		
Андал.н Кудал. с.о.	11	10	245	456	511	907	аварцы	О.Андалал

Примечание: жители переведены Шамилем в горы; в 1860 г. часть возвратилась (отс. Асаб и Силта).

По данным списка можно определить, что в сел. Кудали в конце XIX – нач. XX вв. преобладала малая семья. Отделившись от семьи, малые семьи не теряли связь с отцовским домом. Эти родственные связи служили основанием для сохранения взаимной помощи при необходимости.

По данным А. Комарова, в 1869 г. в Кудали насчитывалось 216 дворов, мужского пола – 330 чел., женского – 353 чел.

Что касается вероисповедания, известно, что в XII в. на территории Андалала, в состав которого входило и Кудали, было ещё распространено христианство, видимо, православного толка, проникшее туда не ранее X в. из соседней Грузии.

Связанные с христианством архитектурные памятники, могильники и произведения изобразительного искусства были найдены в Кахибском, Гунибском, Тляратинском и некоторых других аварских районах.

В 1966 г., по сведениям 103-летней жительницы Кудали Хизриевой Патимат-Кудай, было выявлено христианское погребение в местности Агбада. После долгих работ на глубине 1,3 м была обнаружена каменно-грунтовая могила, относящаяся к XI-XII вв. В погребении нашли женский скелет, лежащий на спине, головой на северо-запад. Из погребения были извлечены 2 медных браслета, 4 бронзовых, по 2 стеклянных и металлических перстня и металлические зеркала, бусы, горшки, чашки, кувшинчики и др.

При осмотре террасы, находящейся рядом с могильником, внимание привлекали развалы камня. Ближайшее знакомство археологов с ними не оставляло сомнения в том, что

здесь в древности находилась небольшая крепость. Она располагалась на участке, надежно защищённом с трёх сторон обрывистыми склонами глубокого оврага и берегом реки. По всей окружности крепости прослеживались остатки оборонительных стен. Наиболее возвышенную и хорошо укрепленную часть крепости занимала цитадель. Обломки красноглиняных горшков с залощенной и заштрихованной поверхностью, собранные на территории крепости, а также особенности самих крепостных сооружений, характерных для периода становления феодальных отношений Дагестана, дали возможность установить время бытования крепости – XI–XIII вв. н. э.

Однако, несмотря на то, что могильник подвергся разграблению, одна могила осталась нетронутой. На дне гробницы были найдены останки молодой женщины. Она лежала на спине с уклоном на правый бок. У головы справа находился небольшой красноглиняный кувшин, с левой стороны – маленькая мисочка. Около неё было найдено ещё очень много дорогих украшений. На обе руки погребенной были надеты бронзовые браслеты, а на палец правой руки – бронзовое кольцо. Судя по сопровождавшему её инвентарю, она принадлежала к довольно зажиточной семье.

На груди был обнаружен бронзовый нательный крест (на нём сильно схематизировано изображение распятия Христа, концы креста имеют форму трилистника). Обряд погребения был определён как смешанный – языческо-христианский.

Христианство в центральной, горной части Дагестана в одних местах пустило достаточно глубокие корни, в других – сосуществовало наряду с языческой религией, а позже и с исламом. Христианизация Дагестана продолжалась и в период распространения ислама до XV века. По мнению археологов, женщина, носившая этот крест, не исповедовала христианство, а крест носила как украшение, поэтому её похоронили по всем обычаям языческой религии. Можно допустить и другое. При жизни молодую женщину приобщили к христианской религии, она носила крест как христианский символ, но окружавшие её люди продолжали придерживаться дохристианской, языческой религии. Так или иначе, но тот факт, что в средневековом могильнике Кудали найден крест, является ещё одним свидетельством распространения христианства в средневековую эпоху среди населения центральной части горного Дагестана.

О времени и путях принятия ислама в сел. Кудали существует мало документальных данных. В раннемусульманский период своей истории Андалал назывался Вицху и состоял из 12 авароязычных селений: Гамсутль, Гуниб, Кегер, Корода, Кудали, Обох, Ругуджа, Салта, Согратль, Хиндах, Хоточ, Чох. Одним из источников, где сохранились сведения о принятии ислама кудалинцами, является «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи. В одном из списков данного сочинения (а их насчитывается 38) приводится перечень селений, добровольно принявших ислам: «...Что же касается селений Вицху, то есть Чух, Сугул, Убухи, Мухуб, Гумсук, Кудалиб, Кухуриб, Салта, Куруда, Гуниб, Утч, Хунди, Кудахи, Ругуджи, то эти селения были обложены джизьей только в размере одного быка с каждого их селения в год назначения шамхала за то, что они добровольно приняли ислам... Все названные селения получили единое название Андалал ввиду освобождения их от хараджа при свидетельстве эмиров Гази-Гумика и их алимов». По ряду признаков А.Р. Шихсаидов относит этот перечень к XIV в., а Т.М. Айтберов – к XV в.

Согласно письменному историческому материалу в горном Дагестане в первые века 2 тысячелетия н. э. существовало множество удельных княжеств во главе с «князьями», «ханами». В указанный период, согласно традиции, существовали местные феодалы в Издагиша, Усиша, Муги, Гидатле, Анди, Кудали и т. д. В результате классовых противоречий многие из них были уничтожены или изгнаны. Один из этих ханов был в Кудали, о чём уверенно говорят фольклорные источники. Звали этого хана Ибрагим. В его ханство входило

23 поселения: Кудали, Силта, Укитль, Сидох, Къавохъ, Ухичур, Гъунабазул болола, Щадгъ-арихъ, Кудали-Маарда, Пахъушалиб и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.